

охота

и охотничье хозяйство

4

1988





На первой странице
обложки:

На востоке страны, в лесах из аянской ели обитает одна из самых диковинных птиц нашей фауны — дикуша. Птица крупнее рябчика, она так доверчива, что зачастую ее удается снять с дерева петелькой, привязанной к палке.

Фото А. ПАНИЧЕВА

На второй странице
обложки:

Архары, джейраны и лысухи в Бадхызском заповеднике.

Фото Г. ЛЕВЕНШТЕЙНА, И. МУХИНА

На четвертой странице
обложки:

Молодые филины. Эта громадная сова стала в наших лесах настолько редкой, что заслуживает особой охраны.

Фото Б. НЕЧАЕВА



НАУКА И ПРОИЗВОДСТВО: НЕОБХОДИМА ПЕРЕСТРОЙКА

Влияние науки на производство, роль научных учреждений в народном хозяйстве — эти вопросы в наше время обсуждаются особенно активно. В 1988 г. все отраслевые научно-исследовательские институты должны быть переведены на хозрасчет. В связи с этим хочу поделиться соображениями о том, как сделать охотоведческую науку более эффективной.

Само по себе решение о переводе НИИ на хозрасчет, на мой взгляд, не принесет ожидаемого эффекта, если не будет кардинальных изменений в системе управления нашей отраслью в целом. Свидетельство тому — попытка в середине 60-х годов перевести на хозрасчет ВНИИОЗ. Северное отделение ВНИИОЗ, например, не получило ни одного заказа от производства. До сих пор финансирование института и его отделений осуществлялось в основном централизованно, через Главооблкомпушнину.

Северное отделение ВНИИОЗ обслуживает Архангельскую и Вологодскую области, а также Коми АССР. Здесь развита как промысловая, так и любительская охота. В Вологодской области преобладает любительская охота.

В Архангельской области до середины 70-х годов тон в охотничьем хозяйстве задавала потребкооперация. Затем все больший вес стало приобретать общество охотников, которое теперь на равных правах с потребкооперацией участвует в промысле лося. Члены охотобщества здесь добывают более $\frac{2}{3}$ промысловой пушнины.

В Коми АССР потребкооперацию потеснили госпромпхозы, за которыми закреплено более половины охотугодий республики.

Таким образом, Северному отделению ВНИИОЗ в своей работе приходится сталкиваться с тремя ведомствами, занимающимися охотой. Всего же в регионе девять потенциальных заказчиков на научно-исследовательские разработки (НИР) — по три в каждой области. Казалось бы, такая многочисленность — дело удобное: есть выбор. Однако на практике все получается иначе.

За год до начала двенадцатой пятилет-

ки (1986—1990) мы стали думать о тематическом плане. С тем чтобы учесть запросы производства, во все девять областных организаций, во все промыслово-охотничьи хозяйства были разосланы письма с предложениями — сообщить потребности в НИР. Поскольку такая работа ежегодно проводилась и ранее, а ответы в 2—3 строчки получали лишь от 3—4 организаций, то мы выдвинули инициативные темы. Руководство ведомств просили указать, какие из предложенных работ их интересуют. И опять же не получили ни одного содержательного ответа. Это при том, что ни о какой оплате работ речи не велось. Более того, мы специально подчеркивали, что не намерены возлагать расходы на кого-либо.

За период с 1982 г. мы выполнили только три работы, заказанные производством. Одну — для Архангельского областного общества охотников — за их счет. Одну — для облхотуправления и третью — для Управления заготовок Архангельского облрыболовпотребсоюза — бесплатно, включая их в свою программу работ. При этом мы никому не отказали.

Наконец, в 1987 г. отделение взялось за хоздоговорную работу по учету бобра, выдры и норки в Архангельской области, которую финансировали три областных ведомства по кооперации. Итого за 10 лет для охотничьего хозяйства по хоздоговорам выполнено или выполняется работ на 18 тыс. руб. Объем финансирования отделения за этот период составил более 450 тыс. руб.

Каковы же причины того, что производство не желает заказывать научно-исследовательские разработки ни бесплатно, ни на платной основе? Утверждать, что все в охотничьем деле и так хорошо — нелепость. Не верят в возможности отделения? Но ведь и не пробовали! Да и другим научно-исследовательским учреждениям ничего не заказывают.

На мой взгляд, причина кроется в инертности всей системы охотничьего дела в РСФСР. У производственников и местных органов управления нет прямой заинтересованности в росте объемов добычи и услуг. Есть план от достигнутого. Есть его выполнение. Перевыполнять план никому не тянет. Как никто не думает и о себестоимости, рентабельности и т. п. В таком случае зачем наука?

По собственному опыту знаю, что от научного работника практики отмахиваются, как от назойливой мухи. Особенно надоедливые могут и прихлопнуть при случае. С нами охотно беседуют на любую тему. Мало кто относится к предложениям ученых всерьез. Такое положение укоренилось как в самом низу нашей системы, так и в среднем звене.

В то же время в охотничьем хозяйстве республики накопилась масса проблем.

Возьмем элементарный мониторинг ресурсов и добычи. Ведь до сих пор пользуемся методами учета, предложенными на заре советского охотоведения. Решение о создании Всероссийской службы госохотучета ничего не изменило ни в методическом плане, ни в организационном. Показатели зимнего маршрутного учета критикуются всеми исследователями как недостоверные. Но от практиков нет прямого заказа на совершенствование методов учета.

По своей инициативе экологи показали принципиальную возможность контролировать состояние ресурсов другим, динамичным способом — с помощью контроля за половозрастной структурой популяций. Для некоторых ценных видов животных уже существуют разработки по применению этого метода на практике.

Так, Северное отделение ВНИИОЗ предлагает применять этот метод для контроля за состоянием численности куниц. Следующим этапом разработки стали рекомендации по отказу от лицензионной системы и переходу на территориальные принципы регулирования промысла. Новинка сулит большие выгоды: уменьшится утечка шкурок на черный рынок, повысится продуктивность угодий, улучшатся условия труда охотников. Однако до сих пор не проведена даже производственная проверка нового метода. Тот же Усть-Цилемский госпромпхоз по итогам 1986/87 г. едва не был оштрафован за превышение лимита, хотя по условиям эксперимента никакого лимита быть не должно.

Можно продолжить подобные примеры на работах по нормам промысла лося, по принципам динамического планирования заготовок шкурок белки, есть и другие. Отношение ко всем предложениям более чем прохладное.

Возникает вопрос: а нужны ли указанные разработки для наших хозяйств? Ведь все работы выполнены не по заказам с мест, а по плану сверху.

Лицензионная система промысла куницы критикуется при каждом удобном случае. Необходимость региональных, а не всероссийских норм промысла лося общепризнана. Абсурдность планирования заготовок беличьих шкурок равномерно по годам пятилетки очевидна.

Однако оказывается, всех устраивает старая практика. Одна из причин такого положения — и, может быть, главная — состоит в том, что все в охоте зарегламентировано сверху. Все основополагающие документы пронизаны духом запретов и ограничений.

Арендаторам охотугодий установлены все мыслимые преграды. Зачем им наши рекомендации, когда есть утвержденные жесткие инструкции. И в каждой инструкции преобладает одно «нельзя». В резуль-



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Москва. ВО "Агропромиздат".

охота

и охотничье хозяйство · 4 · 1988

Ежемесячный массово-производственный, спортивно-методический, иллюстрированный журнал Государственного агропромышленного комитета СССР и Союза общества охотников и рыболовов РСФСР. Основан в 1955 г.

тате на местах отучились думать, решать. Все получают зарплату только за то, что не нарушают инструкции. Выход же за пределы грозит неприятностями.

В результате в РСФСР охотничье хозяйство причислено под одну гребенку. На Камчатке ли или в Карелии, в Ростове или в Сыктывкаре, несмотря на все природно-географические различия, — везде равняются на указатель из далекой Москвы. В таких условиях наука, особенно местная, только мешает работать.

Издано большое количество методической литературы, которая определяет главные принципы использования ресурсов животного мира. Ежегодно проводят научно-практические конференции и совещания. На местах теперь есть специалисты с высшим образованием. Надо не только доверять им, а обязать принимать решения самостоятельно. В таком случае общение с НИИ для специалистов станет необходимостью.

Другой тормоз научно-технического прогресса в охотничьем хозяйстве — устаревшие критерии результатов деятельности ведомств и хозяйств. Все еще во главу угла ставится наличие запасов в угодьях, а не урожай в закромах. Так, систематическое недоиспользование лицензий на копытных превратилось в норму. Недобрали 5—10—100 лосей — пусть. Добыли на одного больше — по судам затаскают. Хотя для экономики охотничьего ущерба очевиден в первом случае и вовсе не ясен — во втором. Так же стабильный рост добычи какого-либо вида животных, как правило, остается без должной оценки. Но что же тогда является целью организованного охотничьего хозяйства? Что же поощрять, как не эти результаты труда? У нас же, если что и поощряется по-настоящему, так это ловля браконьеров.

Ответственность за полное использование ресурсов, за рост добычи должна пронизывать все звенья охотничьего хозяйства. Она должна стать потребностью на всех уровнях управления. Очевидно, что не добиться роста добычи на местах, если не отменить неразумные ограничения. Размеры добычи должны быть научно обоснованными. Устанавливать их нужно оперативно и менять в зависимости от изменения обстановки — «привязываться» к местным условиям. Здесь поле деятельности для ученых безгранично.

В своих предложениях я не открываю Америки. На этих принципах работает близкая к охотничьему хозяйству рыбная промышленность. Наши соседи — Северное отделение ПИНРО — завалены заказами, роются в них, выбирают наиболее выгодные и интересные. Дело в том, что предприятия рыбной промышленности ищут работу, ищут ресурсы. В охотничьем же хозяйстве обычно побеждает консервативная позиция запретительства.

Наука для нижнего звена — охотничьих хозяйств — дело накладное. Охотничье хозяйство остро нуждается в собственных ресурсах для развития. Купоны от доходов охотничье-промыслового хозяйства стригут в основном легкая промышленность. Но переработка — это лишь вершина пирамиды. Основание же — охота. Считаю, что увеличение отчислений за сданную пушнину в пользу охотничьих хозяйств будет правильной мерой. Это создаст финансовую устойчивость и позволит более предметно заниматься организацией дела и перестройкой.

Следует также подумать и о перераспределении средств между управлением

ским аппаратом и охотничьими хозяйствами. Я не утверждаю, что прямые или косвенные отчисления в централизованные фонды слишком велики — это в компетенции экономистов. Однако очевидно, что финансирование науки сейчас целиком идет из этих фондов. Центросоюз через Главоопушнину финансирует ВНИИОЗ, Главохота РСФСР — свою Центральную научно-исследовательскую лабораторию. Полезней систему финансирования сделать более гибкой. Я бы предложил перераспределить прибыль, по крайней мере ту ее часть, которая расходуется на науку. Видимо, 30 % следует оставить в распоряжении центральных ведомств для работ по госзаказу, а 70 % отдать целевым назначением в хозяйства. При этом, особенно на первых порах, полезно будет установить, что из этих 70 % какая-то часть должна поступать непосредственно хозяйствам, коопзверопромхозам (КЗПХ), госпромхозам (ГПХ) и РООиР или приписным хозяйствам. Целесообразность такого шага несомненна и может быть проиллюстрирована следующим примером.

Ненецкий КЗПХ просит выполнить исследования по песцу и белой куропатке в Ненецком автономном округе. Настойчивая просьба поступила в 1986 г., когда пятилетний план был уже сверстан. Работы же в округе дорогостоящие и трудоемкие из-за отдаленности и малодоступности угодий. В настоящее время наше отделение полевых исследований там не ведет. Таким образом, начало работ сдерживается как из-за отсутствия средств, так и людей. Мы прямо не отказываемся от работы, советуем администрации промхоза обратиться к нашему руководству, и если включат в план работы с выделением ресурсов — «возьмем под козырек». Начинается чисто бюрократическая переписка. В то же время, если бы у промхоза были средства на научные исследования, он имел бы мощный рычаг для воздействия на нас, непосредственных потенциальных исполнителей. Более того, мог бы выбирать подрядчика, а нам нельзя было бы отказать в силу конкуренции.

Возможность распоряжаться средствами, предусмотренными на финансирование науки, даст не только свободу хозяйствам, но и сделает их ответственными за результаты НИР. Потраченные деньги должны окупаться. Значит, результаты НИР должны быть внедрены. Сейчас же чужие заботы по внедрению результатов НИР не вдохновляют работников хозяйств на целеустремленное использование разработок. Отчитываться за научные дела перед центром обязано только научное учреждение!

Нельзя перестройку науки сводить только к каким-то ремонтным работам в учреждениях науки. Это со всей силой показал XXVII съезд КПСС, вся наша сегодняшняя действительность. Нужно со всей определенностью сказать, что научно-технический прогресс — явление прежде всего производственное. Наука же является здесь инструментом. Поэтому если мы всерьез думаем об ускорении научно-технического прогресса в охотничьем деле, то должны выбрать наиболее правильные приемы пользования этим инструментом. И прежде всего следует отказаться от стереотипов, заложенных в охотничье дело еще в конце 50-х годов.

А. МИНЯЕВ,
заведующий Северным
отделением ВНИИОЗ

ПРОТИВ НЕОБОСНОВАННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

В. ГАРАЩУК,
охотник

Откликаясь на статью А. Кузнецова «Наши наиболее болезненные вопросы», опубликованную в № 11 журнала за 1986 г., хочу остановиться на вопросах необоснованных ограничений и запретов, встречающихся сегодня охотника на каждом шагу. Нет слов, как и в любой иной деятельности человека, ограничения нужны, но говорить мы будем не о правилах, направленных на организацию охотничьего дела в стране, а о необоснованных, противоречащих нормам права, морали и здравому смыслу ограничениях. Почему мы встречаемся с ними чаще и чаще? В чем корни этих запретов? Мне думается, прежде всего — в неумении, а порой и в нежелании некоторых руководителей обществ охотников, государственных органов, так или иначе имеющих отношение к организации охотничьего спорта, правильно, на научной основе организовать ведение охотничьего хозяйства как в масштабах государства, так и в его отдельных регионах, в их недостаточной профессиональной компетентности, правовой безграмотности, инертности. Конечно же, лучше не утруждать себя заботами, волнениями, повышением своего профессионального уровня, изучением опыта и его внедрением. Вот и сыплются на охотника запреты, ограничения, ужесточения типа таких, как запрещение охотиться на пернатую дичь с собакой. Фактически лишены права охоты на целый сезон около 90 % охот-

ЖУРНАЛУ ОТВЕЧАЮТ

Коллектив охотников станицы Новорождественской Тихорецкого района Краснодарского края написал редакции о том, что в отделении № 4 колхоза им. Ленина выжигают растительные остатки по балке, прилегающей к отделению, и камыш вдоль реки.

Для проверки изложенного и принятия необходимых мер это письмо мы направили в Агропромышленный комитет Краснодарского края. Заместитель председателя комитета В. Г. Робский ответил, что правление колхоза им. Ленина на заседании рассмотрело письмо и решило строго предупредить агронома отделения № 4 Телевонного В. Я. Кроме того, обращено внимание всех специалистов колхоза о недопустимости палов.

Крайагропром предложил правлению колхоза прекратить проведение порочной практики выжигания стерни, растительных остатков и недопущения подобного в будущем.

ников региона (не секрет, что держат собак сейчас немногие, особенно это касается городских охотников). И так далее. Ужесточаются сроки охоты, нормы добычи дичи, что часто приводит к ее недополучению, гибели от подрыва кормовой базы, болезней, обусловленных ее перенаселением. Сколько лет ведем мы об этом разговоры, а воз, как говорится, и ныне там. Необоснованные запреты и трудности с приобретением оружия приводят к тому, что заводы-изготовители вынуждены в условиях сокращения числа покупателей спасать план путем создания большого количества дорогих сувенирных и подарочных ружей, что не отвечает интересам большинства охотников. Нерешительность в вопросах борьбы с воронной охотой в скором времени приведет к тому, что мы не только дичи не будем иметь в своих угодьях, но и забудем, как звучит песня соловья. А ларец-то просто открывается. Надо только (по примеру других стран) разрешить круглогодичный свободный отстрел ворон и сорок. Уверен, очень многие охотники таким путем поддерживали бы свою спортивную форму, не требуя компенсации за затраты. Так в чем же дело? А дело в неуважении к человеку, в привычке видеть в нем только рвача и браконьера. Получается, что в ФРГ охотнику такое доверие оказывать можно, а нашему, воспитанному социалистическим обществом, человеку, по мнению некоторых чинуш,— нельзя.

Не могу не затронуть и проблему членства в обществе, которая сейчас стоит как никогда остро. Думаю, никто не станет возражать против того, что упорядочение членства имеет большое значение для нормального функционирования охотничьих обществ. Давайте посмотрим, как она решается. Вместо того чтобы навести порядок в обществе путем улучшения работы всех его структурных подразделений, укрепления дисциплины и организованности, прежде всего — среди работников лесоохраны, егерей, руководителей первичных организаций, а также усиления их личной ответственности и профессиональной пригодности, вновь был избран путь, мягко говоря, малопривлекательный.

Решено было провести кампанию по «чистке» рядов охотников. Внешне это дело выглядело вполне пристойно и отчасти могло быть объяснено. Но то, во что оно вылилось, напомнило мне времена «охоты на ведьм». Главной задачей проводимой чистки стало избавиться любыми путями от определенного количества членов общества. Цифры, подлежащие исключению, были спущены сверху, и первичные организации, засучив рукава, принялись за работу. Административные органы старались найти повод для лишения охотника права пользоваться оружием, первичные организации под разными предлогами затягивали прием членских взносов, организацию трудового участия, а затем, по причине несоблюдения Устава, исключали граждан из членов общества охотников. Да мало ли способов было изобретено, лишь бы избавиться от «лишних». Вот так у нас проводилась работа по «развитию массовости и популяризации» этого прекрасного вида спорта. А мы еще ведем разговоры о возможности принимать в члены несовершеннолетних! Не до жиру, как говорится, быть бы живу тем простым смертным, кто сумел сохранить членство в организации, которая все больше превращается в касту для избранных. Где уж тут говорить о соблюдении элементарных норм морали и права.

Обидно и горько признаваться в этом. Ведь во многих странах Европы и Америки, странах, не идущих ни в какое сравнение с нашим государством ни по численности населения, ни по занимаемой территории, число охотников на душу населения значительно больше, чем у нас. Вот какие данные приводит в своей статье «Кладезь душевной радости», опубликованной в одном из номеров журнала «Огонек» за 1986 г., заместитель министра лесного хозяйства РСФСР т. Бобров. «В некоторых странах,— пишет он,— полагают, что сейчас каждый третий мужчина — рыбак, а каждый пятый — непременно охотник. Во Франции за 10 лет их численность увеличилась вчетверо, достигнув почти 2 млн. человек. В США охотников насчитывается более 18 млн. человек. За последние 20 лет прибавилось 5,8 млн. чело-

век». (Население США примерно равно населению СССР — немногим более 280 млн. человек.— В. Г.) У нас же число охотников не достигает и 3 млн. К тому же после завершения кампании по «чистке» их будет еще меньше. Так что мы браво маршируем назад.

Вот и получается, что все неудобнее чувствуют себя в обществе рядовые его члены. «Именитым» эти ограничения не страшны. Они их не затрагивают. А как быть остальным? Отказаться от любимого дела они не в силах. Страсть к охоте — непреодолима. Ее запретить нельзя. К тому же в сознании граждан такие ничем не обоснованные, противоречащие здравому смыслу запреты не могут найти ни поддержки, ни понимания. Таким образом получается, что бесполовые и бездарные решения, необоснованные запреты и ограничения объективно способствуют развитию у граждан нигилистического отношения к законам вообще и к правилам охоты в частности.

Пора бы уже понять, что бесконечное ужесточение, голое администрирование никогда не было и не будет панацеей от всех бед, что держимордовская политика способна только нанести непоправимый вред не только отдельным гражданам, но и обществу. Демократия лишь тогда демократия, когда она для всех, иначе она превращается в свою полную противоположность. Пора усвоить, наконец, и такую простую истину: чем больше неоправданных ограничений, тем больше нарушений. Логика тут до смешного проста, и очень жаль, что до сих пор об этом надо напоминать.

Затронутые мной вопросы главные, как мне думается, из стоящих перед нами. Путь же их решения лежит через широкую демократизацию охотничьего спорта в стране, уважение интересов охотников, создание условий, при которых они реально смогут считать себя хозяевами и защитниками природы, сторонниками законов, ее охраняющих. Это будет способствовать интенсификации охотничьего дела в государстве, созданию его сильной материальной базы — основы для успешного решения текущих вопросов.

Югов Н. И. строго предупрежден. Ферма в д. Котово взята под особый контроль.

Л. Н. ВОЛОДИН,
заместитель председателя облисполкома

М. Е. Кияшко из г. Кременчуга Полтавской области написал редакции о том, что ему незаконно отказали в выдаче разрешения на право приобретения охотничьего гладкоствольного ружья. Кременчугское ГОВД ссылается на отсутствие охотугодий из расчета 100 га на одного охотника.

Для проверки и решения вопроса письмом М. Е. Кияшко редакция направила в Управление охраны общественного порядка Министерства внутренних дел УССР. Начальник управления А. В. Войцеховский сообщил, что действительно Кременчугское ГОВД незаконно отказало М. Е. Кияшко в выдаче разрешения на право приобретения ружья. Управление внутренних дел Полтавского облисполкома

ма дало указание Кременчугскому ГОВД выдать тов. Кияшко такое разрешение.

Инспектор ООП Кременчугского ГОВД Сиволоп А. И., допустивший волокиту при рассмотрении заявления М. Е. Кияшко, переведен на другую работу и вопросами разрешительной системы не занимается. Начальнику ГОВД указано на недопущение подобных случаев в будущем.

ВОЙЛОЧНЫЕ ПЫЖИ 10-ГО, 12-ГО, 16-ГО КАЛИБРОВ

Горьковское производственное валяльно-войлочное объединение (ГПВВО) имеет возможность изготовить и поставить организациям охотничьих обществ войлочные просаленные пыжи 10-го, 12-го, 16-го калибров.

Заявки направлять по адресу: 606460, Горьковская обл., Борский р-н, пос. Неключево, ГПВВО.

Генеральный директор объединения
В. И. НОВИКОВ

В нашей деревне есть телятник. Все нечистоты из него текут в речку Ямжу. Никто из специалистов хозяйства не пытается что-либо предпринять. Это безобразие продолжается уже больше пяти лет. Сначала в реке не стало налима, потом хариуса, пескаря, скоро не останется и бобров. Все это видят: и директор Филатов А. В., и главный инженер Жаравик А. И., и председатель сельсовета Подольский И. В., и управляющий Черноридский А. Мы предлагали им устроить запруду, но руководство ничего не делает. Разбудите их!

Н. СИДЕЛКОВ

д. Котово Великоустюгского района
Вологодской области

За загрязнение реки Ямжи навозо-содержащими стоками животноводческой фермы д. Котово директор совхоза «Красавино» Филатов А. В. и главный зоотехник Маклакова Л. А. оштрафованы по 50 рублей каждый, а главный агроном

ДМИТРИЙ УЛЬЯНОВ — ОБ ОХОТЕ С ЛЕНИНЫМ

Младший брат В. И. Ленина — Дмитрий Ильич Ульянов (1874—1943) был известным партийным и государственным деятелем, активным участником революционного движения и гражданской войны в России. По образованию Д. И. Ульянов — врач, окончил медицинский факультет Юрьевского (Тартуского) университета. После окончания гражданской войны находился на руководящей работе в Наркомздраве. С юношеских лет Дмитрий Ильич увлекался охотой, хорошо знал охотничье оружие.

Д. И. Ульянов оставил несколько воспоминаний об охоте с братом. Они помещены в книге: Д. И. Ульянов. Очерки разных лет. Изд. 2, М., Изд-во политической литературы, 1984. Это интереснейшее издание подготовила его дочь — Ольга Дмитриевна Ульянова, которая написала для сборника предисловие и биографический очерк об отце.

В своих воспоминаниях об охоте с братом Д. И. Ульянов неоднократно опровергал утверждения ряда мемуаристов о том, что Ленин нередко отпускал без выстрела дичь, так как на охоту он ходил будто бы лишь для того, чтобы полюбоваться природой. Дмитрий Ильич всегда подчеркивал, что Ленин «на охоте, там, где нужно было стрелять... добросовестнейшим образом стрелял» (Д. И. Ульянов. Очерки... с. 125).

Редакция обратилась к О. Д. Ульяновой с просьбой рассказать об охотах ее отца с В. И. Лениным. В этом номере мы помещаем очерк О. Д. Ульяновой, представленные ею фотографии, а также те материалы Д. И. Ульянова об охоте, которые еще не публиковались в нашем журнале.

ОТЕЦ РАССКАЗЫВАЛ...

О. УЛЬЯНОВА

— В юношеские годы Владимир Ильич занимался охотой очень мало, от случая к случаю, — рассказывал мой отец Дмитрий Ильич Ульянов. — Увлекаться охотой он начал, будучи в ссылке в Восточной Сибири, в с. Шушенском. Там нередко Владимир Ильич охотился на тетеревов, куропаток и других птиц; на островах Енисея стрелял зайцев.

В одном из писем Владимир Ильич просил Дмитрия Ильича купить ему охотничье ружье и прислать в Сибирь. Дмитрий Ильич купил такое ружье, какое просил Владимир Ильич. Вот что отец писал об этом: «Ружье центр. двухствольное (№ 303841 льежской фабрики «Франконт») было куплено мною в конце 1898 года в Москве (в магазине Шенбрунера на Кузнецком мосту) по поручению Владимира Ильича. Заплатил я за него 55 рублей; такая примерно цена (50) была указана им. (Досадная «раковина» в левом стволе была замазана вазелином или другим жиром. После пристрелки в Подольске я ее обнаружил, к своему ужасу. Знакомый охотник сказал, что это особенного значения не имеет, что магазин не возьмет обратно и что цена небольшая.)

Приобретая затем все необходимое к нему, я заказал деревянный ящик, упаковал покупку, выставив «ценная» на 70 р. — столько действительно стоила покупка с пересылкой в село Шушенское. С этим ружьем Ильич охотился в Сибири на зайцев, дупелей и пр.

По возвращении в начале 1900 года в Россию Владимир Ильич привез ружье с собой и передал мне»¹.

После Великой Октябрьской социалистической революции в редкие минуты от-



Дмитрий Ильич Ульянов.

дыха Владимир Ильич любил ходить на охоту, которая была для него одним из самых любимых видов отдыха. Владимир Ильич вообще любил активный отдых: рыбную ловлю, по рассказам отца, Ленин не любил, не нравилось ему неподвижное сидение с удочкой. Дмитрий Ильич, напротив, с детства увлекался рыбной ловлей.

8 июля 1919 г. Дмитрий Ильич Ульянов приехал из Крыма в Москву. Долгие годы Дмитрий Ильич работал в Крыму врачом и вел большую революционную деятельность (до октября 1917 года нелегально). Он принимал участие в борьбе за установление Советской власти в Крыму, был участником гражданской войны, возглавлял Совнарком Крымской Советской республики. Но в июне 1919 г. войска белогвардейцев и иностранных интервентов оккупировали Крым. Большевики вынуждены были уйти в подполье. Дмитрию Ильичу удалось уехать в Москву и рассказать там Владимиру Ильичу Ленину о положении в Крыму. После освобождения Крыма

ских дел Владимир Ильич предложил брату поехать на воскресенье в Горки: «В субботу поедem на дачу, покажу очень хорошие места» (с. 114).

Итак, Дмитрий Ильич впервые приехал в Горки в июле 1919 г. В этот день они много гуляли, Владимир Ильич показывал ему дом, парк, окрестности. А в следующее воскресенье отправились на охоту. С ними пошел товарищ из охраны Ленина. «...Взяли ружья. Вышли через парк в лес, но ничего не нашли, так как не знали совершенно мест. Надо было искать тетеревов; позднее мы уже узнали, где здесь водятся тетерева. Помню, Владимир Ильич спросил у одного крестьянина из деревни Сияново, такого благообразного старика с седой бородой и в очках: «Хотим тетеревов найти, поохотиться». — «Где же вы ищете тетеревов? Это не тут. Нужно пройти на Горельный пенъ — это в лесу». — Надо было перейти поле и пройти в лес.

Но в этот сезон мы не знали еще, где тетерева, и удачно не охотились, не видели даже птицы» (с. 115).

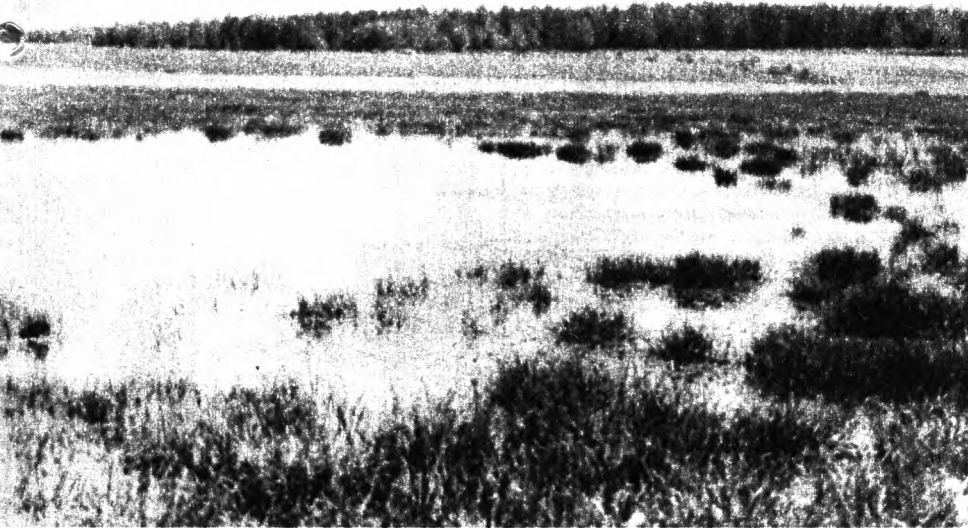
Как рассказывал отец, Владимир Ильич обычно ходил на охоту в синей косоворотке, в пиджаке и в охотничьих сапогах. У Дмитрия Ильича тоже была синяя сатиновая косоворотка. Ее сшила ему жена — Александра Федоровна. Вместо пиджака в холодные осенние и зимние дни отец надевал рыжую кожаную поношенную куртку на меху. Из своих детских лет помню, что отец клал ее на пол вверх мехом, сажал на нее меня, садился сам и затевал какую-нибудь игру. Было много веселья и смеха!

В зимние холода Владимир Ильич иногда надевал старую шубу своего отца — Ильи Николаевича Ульянова. Эту шубу на енотовом меху долгие годы хранила моя мама (теперь она находится в экспозиции Дома-музея Владимира Ильича Ленина в Ульяновске).

Дмитрий Ильич подробно описал многие поездки на охоту с Владимиром Ильичем. Один из очерков — «По тетеревиным выводкам» — написан отцом так живо и интересно, что мой пересказ только бы испортил его.

Нередко вместе с Владимиром Ильичем и Дмитрием Ильичем на охоту ездили доктор В. А. Обух, Н. В. Крыленко, А. Я. Белецкий (начальник охраны Владимира Ильича с 1919 по 1924 г.) и другие. Но вообще Владимир Ильич любил ходить на охоту, а не ездить на машине или на

¹ Примечание Д. И. Ульянова к очерку «Поездка Владимира Ильича на Сенезское озеро». В кн.: Ульянов Д. И. Очерки разных лет. Изд. 2, М., 1984. С. 135. В дальнейшем после цитат в скобках указаны страницы по этому изданию.



лощади. Дмитрий Ильич как-то сказал Владимиру Ильичу: «Скажу, чтобы машина приехала к такому-то месту». Но Владимир Ильич отказался: «Да нет, не надо. Прогулка так прогулка». — «Ты устанешь, будет очень приятно сесть в машину», — настаивал Дмитрий Ильич. — «Нет, не стоит, пройдем пешком», — ответил ему Владимир Ильич (с. 131). Он очень любил

Д. И. Ульянов в охотничьей одежде на большой аллее в парке. Горки, конец 1920-х — начало 1930-х гг.

Публикуется впервые



ходить, ходить подолгу, до усталости. Когда он много ходил и уставал, то легче засыпал и ему хоть ненадолго удавалось избавиться от бессоницы, мучившей его многие годы.

На поляне по дороге на Лукино Владимир Ильич с Дмитрием Ильичем охотился за тетеревами. Поляна эта очень нравилась Владимиру Ильичу, так как она расположена высоко и с нее открывается хороший обзор: вдали, справа, виднеются крыши Мещерины, а слева, на другом берегу реки Пахры, село Казанское. В то время поляна была покрыта кустами можжевельника, вокруг — перелески, по которым они и ходили за тетеревами. Доктор Обух обычно спрашивал Владимира Ильича: «Куда Вы выйдете? Сюда?» — «Мы выйдем примерно так-то». — «Хорошо, я Вас тут встречу». Он был толстый, ляжет где-нибудь в тени и выжидает.

Владимир Ильич смеялся: «Вы все лежите, а Вам надо жир спускать, надо ходить больше». А Обух любил, наоборот, больше полежать» (с. 129).

Раньше в Лукине была церковь с большим белым куполом, который служил ориентиром. Владимир Ильич и Дмитрий Ильич всегда ориентировались по нему. Рядом с поляной было несколько оврагов, вокруг — лес. В начале одного из оврагов Владимир Ильич однажды убил черныша.

«Мы шли тогда в ряд, — рассказывал Дмитрий Ильич, — с правого фланга я, затем Обух, потом Владимир Ильич и кто-то из сотрудников охраны, из чекистов. Условились, как кричать; Владимир Ильич сказал, что кричать: «Тиро». Поднял я черныша с той стороны оврага, выстрелил — промазал; следом стреляет Обух; затем слышу опять два выстрела — это стрелял Владимир Ильич. Первым выстрелом он его сшиб влет: черныш летел на них. Думаю, что это за второй выстрел, это не дуплет. Подхожу, спрашиваю. А Владимир Ильич птицу держит в руках: «Верно, как ты говорил — хвост лирой. Я его, знаешь, подбил, он упал и побежал к лесу, в овраг, в гущу леса. Я решил пожертвовать вторым зарядом, потому что искать

Круглый пруд в дальнем лесу (между Коротово и Мещерино), где мы с Владимиром Ильичем охотились на водоплавающую дичь. Фото и подпись под фотографией Д. Ульянова. Публикуется впервые

его было бы трудно». Они так великолепно бегают, что его невозможно было бы найти. Говорю: «Конечно, правильно сделал». Только благодаря этому он и взял тетерева.

Это был один из первых его трофеев на здешней горкинской охоте» (с. 130).

Долгое время в Горках, в шкафу на втором этаже, около комнаты Владимира Ильича хранилось чучело тетерева, убитого то ли Владимиром Ильичем, то ли Дмитрием Ильичем, не знаю точно.

Иногда Владимир Ильич и Дмитрий Ильич возвращались с охоты без добычи, но Владимира Ильича это не огорчало: он любил погулять, иногда даже ходил без ружья, а просто с палочкой.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Д. УЛЬЯНОВ

ПО ТЕТЕРЕВИНЫМ ВЫВОДКАМ

Как-то раз, помнится в августе 1919 года, Владимир Ильич договорился с товарищами охотниками поехать на охоту по тетеревиным выводкам. Решено было поехать с вечера в Горки, там переночевать, а утром на заре проехать в деревню Опаринки, где должен был ждать нас егерь Михаил Плешаков с легавой собакой.

На молодых тетеревах выходят в лес обычно рано утром, до солнца, чтобы собака по росе лучше чужла след птицы. Когда солнце обогреет, след птицы найти труднее.

В Горках улеглись спать поздно вечером, а разбудили нас так рано, что было еще темно и видны были звезды на небе. Помню, что Ильич, когда его будили, захохотал и воскликнул: «Да ведь еще ночь совсем, звезды светят!» Должно быть, он еще совсем не спал или не успел заснуть.

Быстро собрались и поехали к месту охоты. Езды было не более 15 минут. Егерь Плешаков встретил машину уже готовым — с ружьем и с собакой — и, пожури нас, что поздно приехали, повел сейчас же в лес.

Впоследствии Плешаков не раз охотился с Ильичем, но в этот раз видел его впервые и не знал, что это Ленин, хотя вообще речь об его приезде была. На его вопрос, кто это, товарищи с целью конспирации сказали, что это их знакомый, слесарь из Москвы. (Владимир Ильич был в синей косоворотке и потрепанном пиджаке.) «Вот, — пророчал егерь, — я рассчитывал, что они Ленина привезут, а тут какой-то слесарь!» Я не знал тогда об этой

конспирации и был очень удивлен, когда Плешаков обратился почему-то ко мне со словами: «Идите за мной, Дмитрий Ильич, следите за собакой, выводок сейчас должен быть». Я не понимал, в чем дело, почему он не обратился к Владимиру Ильичу, не позвал его следить за собакой, с какой стати первый выстрел будет мой, и стал подзывать брата ближе к собаке, чтобы он первый стрелял. Но Ильич ответил, что пойдет рядом и будет стрелять, когда птица полетит в его сторону. Поднялся пестрый черныш, и я его убил, ощутив при этом на душе какой-то неприятный осадок: почему так вышло, что первым стрелял я, а не Владимир Ильич? Чего ради я попал на первое место? Ну, думаю, следующего он будет стрелять, и казалось, что вот сейчас подымется второй. Но этого не последовало. И егерь, когда после выстрела сошлись все вместе, предложил подманивать выводок, а нам занять места и сидеть неподвижно в ожидании появления птиц. Он объяснил, что матку нужно стрелять в первую очередь и тогда весь выводок будет в наших руках. Мы разместились кто где. Ильич уселся на опушке большого леса. Егерь начал подманивать. Солнце сильно пригрело, и меня потянуло к дремоте. Внезапно около Владимира Ильича с резким шумом поднялась тетерка. Он громко крикнул: «Тетерев!» Егерь на это сердито передразнил: «Тетерев! Конечно, тетерев. Это же матка. Отчего не стрелял?» Ильич на это также сердито крикнул: «А сам отчего не стрелял?» Егерь в свою очередь: «Я подманиваю, мне стрелять не полагается. Вы должны были стрелять» — и как-то выругался. Кто-то из охотников дернул его и прошипел: «Не ругайся, это же сам Ленин!» Егерь присел: «Что же ты мне раньше не сказал, что это Ленин, а болтаешь — слесарь. Эх, мать честная! Это, выходит, я самого Владимира Ильича обругал! Ей-богу, не знал. Извините, пожалуйста».

Охота оборвалась. А бедный Плешаков долго еще ворчал и бурчал себе под нос: «Вот те раз! Как же это я так... Не знал, сказали — слесарь, а то бы разве я..?» — и т. п.

Впоследствии Ильич не раз охотился с Плешаковым и на тетеревов, и на дупелей, и на бекасов, причем последний всегда трогательно объяснял ему все касающееся данной охоты.

После смерти Ильича в одном иллюстрированном журнале был помещен портрет Михаила Плешакова и очерк под заголовком: «Егерь тов. Ленина».

Плешаков любовно хранил этот номер в своем чемоданчике.

1938 г., Горки

ОХОТА НА СМОЛЕНЩИНЕ

Как-то летом 1920 года Ильич сказал мне, что он собирается на охоту в Смоленскую губернию и что мне нужно условиться об этом точно с тт. Крыленко и Жуковым, с которыми он в то время часто устраивал охоты.

Было условлено между мной и названными выше охотниками, что поездка состоится по железной дороге на запад с

Белорусского вокзала. Ехать надо было по Западной дороге до какой-то маленькой станции за Клязьмой, откуда верст 20—25 придется ехать на лошадах. Названия этой станции я не помню.

Поездка состоялась в августе 1920 года, причем мы с Ильичем доехали на машине до Белорусского вокзала, и там встретили вышеназванных охотников и тов. Беленького с приготовленным им особым вагоном, в нем мы разместились.

У Владимира Ильича было хорошее купе с железной кроватью и письменным столом. Помню, что в дороге туда мы набивали патроны для ружей. По дороге обратно был день Всесоюзной переписи населения, и счетчики пришли к нам в вагон из Смоленского переписного округа. Вагон отцепили на какой-то маленькой станции и поставили в ж.-д. тупик, а мы поехали на лошадах в двух экипажах до деревни Нестерова.

Характерно, что Владимир Ильич отказался от предложения разместиться в сельской школе, предпочтя крестьянскую избу, чтобы спать на сене в амбаре, предварительно посоветовавшись со мной и другими охотниками.

Характерно также для Владимира Ильича, что он сразу отдал хозяйке всю провизию, взятую им из дома: чай, сахар, белую столовую соль и бутерброды с мясом, сыром и проч.

...Не верна вся глава «Случай с чернышом»¹. С легкой руки Крыленко², когда он напечатал случай с лисой, в которую Ильич не стрелял, хотя она вышла прямо на него, потому что она была де «очень красивая» и т. д., в практику охоты Владимира Ильича введена совершенно чуждая для него и фальшивая нотка какого-то толстовства или сентиментализма. За все время охоты с Ильичем с 1890 года в Самарской губернии да и впоследствии в Московской я абсолютно не помню аналогичных случаев и считаю рассказ про лису у Крыленко фальшью или надуманностью *post factum*. Дебрин описывает, что Ильич не стрелял в черныша потому, что тот был очень красив, «настоящий красавец». Опять же, как у Крыленко лиса, тот же вздор, теперь только вместо лисы тетерев-петух — черныш... Дело, однако, в том, что в данном случае я присутствовал при разговоре Наумича с Владимиром Ильичем. Егерь действительно убеждал Владимира Ильича стрелять в птицу, пока никто не вспугнет ее, сидит хорошо, прямо на редкость, и Ильич берет ружье и прицеливается, но в этот момент черныш неожиданно срывается с дерева и улетает. Причина этого: шум, произведенный собакой, неожиданно прибежавшей к нам. Вообще у Дебрин не верно описано, что Ильич с егерем куда-то отделились от других охотников. Мы ходили всей компанией вместе, я же вообще в эту охоту в бельских лесах, как, впрочем, и всегда в лесу, не оставлял Ильича одного, всегда бывал с ним, так что вся глава «Случай с чернышом» написана неверно, просто автору захотелось прибавить что-то от себя и списать с Крыленко аналогичный психологический парадокс у Ильича.

Горки Ленинские
12 апреля 1941 г.

¹ Речь идет об очерке И. Дебрин «На охоте в Бельских лесах».

² Речь идет о воспоминаниях Н. Крыленко «В. И. Ленин на охоте».



Тяга кончилась, вальдшнеп опускается к самочке.

ТЯГА

О. МАЛОВ

Посмотритесь повнимательнее к вальдшнепу. Все в нем прекрасно. Изумительно по красоте большие, посаженные необычно близко к затылку темные «цыганские» глаза-перископы, при помощи которых, не поворачивая головы, вальдшнеп может видеть происходящее у себя за спиной. А как совершенно плотное, упруго-гуттаперчевое тело летящей торпеды, дающее возможность совершать немислимые маневры и кульбиты в самых густых зарослях. Наряд лесного кулика кажется внешне непритязательным и скромным. Но охотники знают, как вспыхивают ржавым огнем переборы охристо-красных перьев при взлете.

Вальдшнеп острожен, ловок и увертлив. Угрюмый отшельник, как никто, умеет хорониться в чаще, а после взлета мгновенно «закрывается» от опасности стволем дерева или другой преградой. Мель-

кнет — и нет его. Даже сомнение берет: а была ли на самом деле здесь секунду назад чудо-птица? Где уж тут говорить о дуплете — только вздрогнешь от неожиданности и медленно опустишь ружье. В дуэли со стрелком вальдшнеп чаще выходит победителем. Не зря в старинные времена его в шутку называли «дробо-едом». Такой трофей всегда желателен и заманчив.

Вальдшнеп почти все время держится одиночкой в непроходимых дебрях, поэтому охота на него никогда не бывает особенно добычливой. Осенью изредка судьба дарит встречу с выскочкой этих птиц. Однако такие удачи, как правило, случайны и остаются в памяти на всю жизнь. Залог успеха осенних вальдшнепных охот — хорошо поставленная легавая собака, умение стрелять. Поэтому охотники, особенно бессобачные, так ждут тягу — может быть, единственную для них возможность увидеть, услышать, а то и добыть длинноносую птицу-цветок.

Что же можно посоветовать молодому охотнику, впервые отправляющемуся на тягу? Успех охоты на весенней тяге зависит прежде всего от умения правильно выбрать место на маршрутах токового лёта вальдшнепа. Хорошо заранее побывать в лесу и засечь наиболее проторенные пути тянущего вальдшнепа. Но обычно для городского охотника сделать это трудно. Что же, не огорчайтесь, правильное место можно выбрать и в день охоты. Только приехать надо в лес чуть пораньше.

Излюбленное место тяги вальдшнепа — невысокий смешанный лес, пересеченный оврагами с ручьями, просеками, лесными дорогами, изобилующий начинающими зарастать порубками и полянами. Во время тяги петушок-вальдшнеп в поисках самочки любит облетать именно эти места, придерживаясь кромки невысокого леса, пересекая поляны или вырубки по грядам кустарника. Вот на кромке такой поляны и становитесь. Подойдет и перекрестье лесных дорог в невысоком молодом лесу-карандашнике.

Лучшая погода для тяги — это тихий пасмурный день: в такую погоду вальдшнеп летит неторопливо, опустив клюв, и чем-то напоминает большую бабочку. При резком похолодании тяга слабеет и ее может не быть совсем. Но тянет вальдшнеп и в ненастье, и даже когда идет снег с дождем. В ветреную пору полет его становится стремителен, появление — неожиданным. Стрельба по такой мишени очень трудна и требует навыка.

Что еще следует знать? Запомните, что вальдшнепиная песня состоит как бы из повторяющихся звуков «квоог, квог, цси». Звонкое цыканье слышится с большого расстояния и всегда раньше. Обычно с цыканьем (или молча) летят самочки. Поэтому по таким птицам стрелять не следует. Если первый вальдшнеп пролетел в стороне, не стремитесь сразу же менять место, так как вальдшнепы могут идти по маршруту лёта достаточно широко. Суетливая беготня успеха на тяге не принесет и трофеев не прибавит. Только в том случае, когда большинство куликов тянет стороной, попробуйте сменить место.

Бытует мнение, что вальдшнеп из года в год пользуется одними и теми же маршрутами. Это не всегда бывает так, случается, что пути лёта заметно сдвигаются, а вот направление, как правило, остается постоянным.

Хотя каких-либо особенных требований к маскировке не выдвигается, становиться все же желательно так, чтобы меньше выделяться на фоне леса. Главное — оставаться спокойно на месте, поменьше двигаться, не делать резких движений. А для этого лучше потеплее одеться: весенняя погода довольно обманчива, вечера в эту пору холодны.

Охота на тяге разрешена вечером. Ее разгар идет на границе сумерек и ночи, поэтому имейте с собой фонарик. Он будет отличным подспорьем при поиске сбитых куликов, да и при возвращении домой пригодится.

Обычно говорят, что вальдшнеп — птица на рану не крепкая. Это не совсем так. По опыту скажу, что на тягу лучше брать патроны с дробью № 7—6. Ружье подойдет любое, лишь бы оно было привычно охотнику. Предпочтительнее все же со стволами сверловки получок или цилиндр с напором, ведь стрелять приходится на небольшие расстояния.

Очень желательна на этой охоте апортирующая собака. Можно только приветствовать разрешение использовать на весенней тяге спаниелей и легавых собак. Сбитого в сумерках, почти ночью, вальдшнепа, тем более подранка, найти в чапыге, среди пожухлой листвы бывает очень трудно. Именно по этой причине много сбитых птиц и подранков, минуя ягдташи охотников, пропадает в лисьих зубах. Но помните, что во время охоты собака должна находиться около вас, желательно на привязи, а не бегать по лесу без присмотра: на тяге ее работа — только апортирование.

С каждым днем лёта может начинаться все позже по времени, так как светлое время суток заметно удлиняется. Самый горячий пик охоты и лёта обычно приходится на время от 21 до 22 часов. Давайте посмотрим, как же проходит охота на тяге.

...Солнце медленно тонет в частокеле сиреневого леса. Один за другим смолкают звуки весеннего птичьего оркестра. Одни зарянки и дрозды продолжают свои

песни. Чем ближе к границе вечера и ночи, тем напряженнее вслушивается в замирающие звуки охотник. Набежали сумерки, только полоска зари сдерживает последние попытки дня удержать наступление темноты. Заметно холодеет ружье в руках. Птицы смолкают, лишь болотный барашек-бекас снова и снова оглашает своим бляньем высокое черное небо.

Первые колена токовой песни вальдшнепа почти всегда пропускаешь — так велико напряжение и желание не ошибиться в долгожданных звуках. Издалека хоркает лесной кулик, ближе и ближе эти звуки. Сколько бы раз их ни слышал, а привыкнуть к ним невозможно. Вот уже заметен силуэт птицы, тянущей прямо на охотника вдоль кромки невысокого молодого леса. Как он кажется доступен — только подними ружье... Звучит дуплет. На мгновение глаза слепят вспышки выстрелов. Но успеваешь заметить лишь тень улетающей и изменившей направления птицы. Промых...

Ругаешь и казнишь себя за торопливость. Опять ожидание и сомнение — кто знает, может, повторной встречи и не произойдет. И вот далеко, очень далеко ловишь зрением летящего вальдшнепа. Но он вне выстрела. Еще один прошел там же и на той же высоте. Горечь промаха не проходит, отдается в бухающем сердце и трясущихся руках.

За мыслями не замечаешь, как с хорканьем из-за спины налетает тень птицы. Стреляешь в угон — и вальдшнеп падает на залитую водой лесную дорогу. И вот долгожданный трофей в руках. Пока унимаешь волнение, рассматриваешь добычу и перезаряжаешь ружье, над головой проходит без выстрела еще один кулик.

Становится совсем темно, а уходить не хочется — вдруг еще налетит. Но ожидания напрасны, ночь уже спустилась на лес. Пора возвращаться. Под ногами похрустывает ломкий ледок, прихвативший лужи лесной дороги. А в холодном небе с нарастающим звуком пикирующего самолета все не перестает бляеть бекас...

Фото автора

Вот в таких местах и тянут вальдшнепы.



ПЛАШКА — САМОЛОВ СОВРЕМЕННЫЙ

О. ЖАРОВ,
доцент Иркутского
сельскохозяйственного института

Плaшка издавна известна как орудие добычи мелких пушных зверьков. В это несприятельное устройство заложены элементы народной мудрости, позволяющие использовать его до настоящего времени с высокой эффективностью. Существовавший в 30-х гг. малообоснованный запрет на применение ряда стационарных самоловов, а также некоторые причины социального и экономического характера резко снизили распространение и хозяйственную значимость плашки. К настоящему времени сохранились отдельные очаги с высокой культурой плашниково-го промысла, одним из которых является юго-западная часть Иркутской области, включающая Тайшетский и Нижне-Удинский районы.

Об опыте передовых охотников Нижне-Удинского коопзверопромхоза — рассказывал на страницах журнала старший охотовед А. Хоменко (см. «Охота и охотничье хозяйство», № 10, 1978). В настоящей статье приведены данные по результатам промысла у лучших охотников Тайшетского госпромхоза в охотничьи сезоны 1984—1986 г., а также даются рекомендации по изготовлению и технологии использования плашки.

Сезоны 1984/85 и 1985/86 гг. отличались высокой численностью белки и благоприятными для промысла погодными условиями. Зарботки лучших охотников, владеющих техникой лова плашкой, достигали 10 тыс. руб. за сезон. Заметный рост зарботков произошел преимущественно за счет интенсификации промысла белки, ресурсы которой значительно недоопрашиваются в большинстве районов Иркутской области, где преобладает ружейная охота с собакой.

Добыча белки за сезон у разных охотников колебалась от 784 до 1700, а соболя — от 17 до 80 зверьков (табл.). Некоторые охотники отлавливают до полутора десятка норок. Плашка считается универсальным самоловом на пушных зверьков, хотя в отдельные годы больше

соболей попадает в капканы, выставленные на тех же путиках, кулемки различного типа. В охотничий сезон 1984/85 г. плашками отловлено уже 95 % от общей добычи.

Данные таблицы наглядно подтверждают сказанное, исходные цифры любезно предоставлены автору охотоведами Тайшетского госпромхоза А. Смолиным (за 1984/85 г.) и А. Александриним (за 1985/86 г.). Ниже приводятся основные элементы работы с плашкой, которые не всегда полно и ясно излагаются в литературе.

Лыжные (реже пешие) путики прокладываются по местам наибольшей концентрации основных объектов охоты. Для белки это — вершины небольших рек и ключей, склоны южных экспозиций, прирусловые ельники, хребтовые кедрачи («дубачи»), для соболей — это еще и старые гары, сильно захлапленная тайга. Путики прокладываются преимущественно в форме кольца или полукруга от одного зимовья до другого. Очень редко встречаются «пятовики» — путики, которые предполагают возвращение своим следом в зимовье или на основное направление дневного маршрута.

Дневной путь составляет 15—17 км, что дает возможность использовать рабочий день при наличии светового резерва. Этот резерв позволяет попутно выставлять другие самоловы переносного типа или, если вынуждают обстоятельства, отвлекаться от основной работы. Общая протяженность всех путиков доходит до 100 км, а количество их 5—6. Проверка осуществляется через 6—7 дней с учетом одного дня отдыха в неделю. На этих путиках размещается около 900 плашек универсального типа, часть из них (обычно 30 %) настораживают на соболя. Имея такое количество плашек, охотник может успешно использовать на тех же путиках и другие самоловы переносного и стационарного типа, поскольку плашка является малотрудоемким орудием в настораживании и дальнейшем обслуживании. Время настораживания одной плашки в среднем можно довести до 20 секунд.

Несмотря на внешнюю простоту, изготовление плашек требует соблюдения ряда требований, которые значительно по-

вышают эффективность промысла. На рисунке изображен внешний вид этого самолова при наиболее рациональной установке. Размеры даны с учетом возможности отлова как белок, так и соболей.

Верхняя пластина должна быть шире нижней, а не наоборот. Это позволяет поднимать ее рукой без дополнительных приспособлений, что сокращает время настораживания и дополнительного обслуживания, предохраняет от попадания внутрь плашки влаги. За счет последнего продлевается срок службы, так как плашка не подвергается интенсивному гниению, и предотвращается смерзание пластин в начальный влажный период охоты.

Задняя часть плашки должна иметь опору, а передняя — наклон, равный высоте насторожки (челака). Соблюдение этого условия придает большую устойчивость самолову, исключаются самоспуски. Во время летних дождей вода стекает с верхней плоскости такой плашки, предотвращая преждевременное загнивание.

Наиболее удобным местом для установки плашки считается толстое (диаметр 40 см и больше) дерево с густой кроной. Здесь, если учтено направление господствующих ветров, плашка будет укрыта от лишнего снега. То есть плашка должна быть прикрыта стволом и кроной от чрезмерного влияния снегопадов. При удачном расположении плашки приходится очищать ее от снега не более одного раза в течение охотничьего сезона (если на плашке толщина снега превышает 30 см). Своей передней открытой частью плашка должна быть обращена в противоположную господствующим ветрам сторону.

Высоко поднятую плашку (на уровне пояса, груди) легче настораживать и в дальнейшем обслуживать, при этом существенно экономится рабочее время охотников. Нами не было замечено разницы в производительности таких самоловов и установленных ниже при отлове белки, но она прослеживалась при отлове соболя. На соболя плашку следует устанавливать ниже — на высоте 40—60 см от земли и так, чтобы зимой ее полностью не засыпало снегом.

В классическом варианте плашка в обязательном порядке снабжается гнетом (дополнительным грузом из жерди), который не только увеличивает вес давящей части, но и связывает самолов с дополнительной точкой опоры, придавая ему хорошую устойчивость. Такую плашку почти невозможно рассторожить ветру, падающей кусте, сучкам, ветвям. Гнет должен располагаться горизонтально, но не в одной точке, а по всей ее ширине. Иначе между пластиной и гнетом появляется зазор, и зверек может вырваться из ловушки.

Сотрудниками Восточно-Сибирского отделения ВНИИОЗ предложен шарнир в виде двух полосок транспортной ленты, скрепляющий задние части пластин. Это новшество улучшает устойчивость самолова независимо от расположения гнета.

Операцию по выкалыванию и разноске пластин рекомендуется производить в весенний настовой период, когда снеговой покров хорошо держит лыжника и позволяет перевозить плашки на нарточках (санках). Разноска плах по чернотропу (лето — ранняя осень) значительно увеличивает трудоемкость этой операции.

Лучшей породой для выкалывания плах

СЕЗОННАЯ ДОБЫЧА ПУШНЫХ ЗВЕРЬКОВ ЛУЧШИМИ ОХОТНИКАМИ ТАЙШЕТСКОГО ГОСПРОМХОЗА В 1984—1986 гг. (сроки охоты с 20 октября по 31 декабря)

Фамилия, имя, отчество	Количество плашек, шт.	Площадь участка, км ²	Добыто белок, голов		Добыто соболя, голов	
			1984/85	1985/86	1984/85	1985/86
Борисенко Г. И.	1100	230	1600	1000	48	68
Воложин В. Д.	1150	220	1250	1105	24	75
Кешиков Д. И.	1100	180	1085	1300	36	80
Конюшечный В. Д.	1200	200	1025	1105	25	80
Корниенко А. С.	1180	215	1250	1105	23	75
Кряжев И. И.	1200	230	—	1000	—	60
Смолин А. А.	900	250	1300	—	29	—
Сулейманов В. И.	950	180	—	1000	—	68
Шведов В. И.	1550	217	—	1465	—	43
Урбанас Р. А.	1100	170	1700	996	17	46
Якобсон В. Л.	1050	160	—	784	—	52
Итого	12 480	2250	9210	10 860	202	647
В среднем на одного охотника	1135	205	1315	1086	29	65
В среднем на 1000 га	55	—	64	53	1,4	3,1

считается кедр, хотя допускается использование ели, сосны, а в исключительных случаях других пород: лиственницы, пихты, осины. Дерево должно быть прямо-слоистым — это обязательное условие.

Подходящее дерево выбирают примерно посредине отрезка путика, на котором будут расположены новые ловушки, и так, чтобы плахи можно было разнести в обе стороны (сокращается время на переноску). Из одного дерева можно выколоть до 40 пластин (20 плашек), но обычно выкалывают около 30 пластин (15 плашек) большого размера. Чисто беличьих плашек из одного дерева получается до 40, но их изготовление можно рекомендовать только в тех угодьях, где нет соболя или высокой плотности населения других кунных.

Сваленное дерево распиливают на чурки и раскалывают на плахи. Из каждой чурки, как правило, получается две универсальные плашки. Колют чурки при помощи деревянных клиньев и колотушки, которые лучше заготовить заранее и переносить к месту новой повалки дерева. Хорошие клинья получаются из сухой лиственницы, колотушка — из сырой березы. Клинья должны быть «прогонистыми», то есть относительно тонкими и длинными (толщина в обухе — 7—8, длина — 35—40 см).

Чурку ставят вертикально, раскол ведут параллельно оси юг—север, горбыли и се-рединную часть, как правило, отбрасывают. Техника раскола такова: сначала топором делают щель поперек чурки, ударяя колотушкой по обуху, затем в эту щель равномерно вбивают клинья (обычно три). Следует проявлять осторожность, так как при неравномерном вбивании клиньев отделяющаяся пластина может расколоться. Плашки устанавливают на расстоянии 70—100 м друг от друга. Устанавливая плашки лучше с помощью гвоздей размером 140—150 мм для укрепления основной жерди и 110—120 мм — для укрепления нижней плахи. Гвозди завосят из расчета два-три на прибавление основы и три — на укрепление нижней плахи. Раньше обходились без гвоздей ввиду их дефицита. Однако применение гвоздей признано целесообразным, по-

скольку такие плашки стоят, не разрушаясь, на протяжении многих лет и почти не требуют ежегодного ремонта, что позволяет значительно экономить рабочее время.

Последовательность операций при установке плашек следующая. На месте установки заготавливают две длинные жерди, одна из которых будет служить основой, другая — гнетом (размеры приведены на рисунке), подставной кол, две вешки. Затем прибавляют к дереву, где будет располагаться плашка, толстый конец жерди-основы, следом горизонтально — другой. Последний можно прибить на тонкое дерево, но лучше на отдельный пенек. Если этот конец прибить на такое же толстое дерево, то при сильном ветре гвозди не выдержат сжатия или растяжения между двумя одинаковыми по размерам деревьями. Затем забивают в грунт подставной кол на расстоянии от дерева, равном длине плашки, и монтируют нижнюю плаху с учетом требований, указанных ранее. В верхней пластине вырубает углубление (не более 2 см) для приманки (посредине) и челака (у переднего края). В лучшем варианте делается одно углубление по всей поверхности внутренней части пластины. У обеих плах внутренние поверхности зачищают: удаляют сучки, бугорки, с боков стесывают кору. Верхнюю пластину укладывают на нижнюю, на другом конце жерди-основы размещают крест-накрест вешки, которые одним концом втыкают в грунт, а другой опирают на жердь. На перекрестие вешек и на плашку помещают гнет. Между плахами для лучшего проветривания кладут щепку или сучок.

Рабочие качества плашки во многом зависят отстораживающего механизма. Правильно изготовленная насторожка должна обладать умеренной чуткостью. При чрезмерной чуткости плашки саморастораживаются в ветреную погоду, при грубой — ломаются половинки челака или зарубка наживника.

Лучшей насторожкой в плашке признана челачная. Челака, состоящий из двух половинок, скрепляют сторожком (наживни-

ком, язычком, сторожевой лучиной). Оптимальная чуткость достигается при правильной пропорции двух половинок челака и величины зарубки сторожка. Необходимо знать, что при любой высоте челака верхняя его половинка составляет 4/5 общей высоты с упором посредине, нижняя — 3/5. Зарубка должна быть больше толщины челака на 1,5—2 мм.

Высота челака в плашке на белку 9—12 см, на соболя 14—15 см, ширина 1,5—2 см. Более рационально делать одинаковой толщину и в беличьей, и в соболиной плашках. При этом величина зарубок тоже становится одинаковой, и таким образом достигается взаимозаменяемость челаков и наживников. Одинаковой толщины челаков можно добиться при использовании рубанка и прибитой к верстаку ограничительной рейки. Применение рубанка сокращает время на изготовление челаков на 30—40 % по сравнению с поделкой ножом.

Материалом для челаков служат бруски, заготовленные из остатков поволоки плах. Их необходимо хорошо просушить. Наживники изготавливают из прямых веток рябины, березы, черемухи и других твердых пород деревьев и кустарников. Их длина составляет 2/3 длины плашки, толщина — 7—8 мм в комлевой части. Зарубка делается глубиной не более 2 мм с тем, чтобы зверек мог рассторожить плашку, находясь в ее центре.

При хорошем качестве плашки пойманная белка бывает полностью укрыта от вредителей. Соболя, как правило, попадает головкой, его тушка висит снаружи. В таком положении шкурка почти не подвергается порче мышевидными грызунами.

Важную роль при добывании белки и соболя играет приманка. Лучшей приманкой на белку считаются маслята. Их заготавливают в течение всего сезона, но предпочтение отдается первой волне, поскольку среди поздних грибов очень много червивых. Их тоже можно использовать в качестве приманки, но в этом случае они подвергаются особому способу пресно-сухого консервирования — жаровой сушке. На вольном воздухе они не успевают высохнуть, так как их съедают черви.

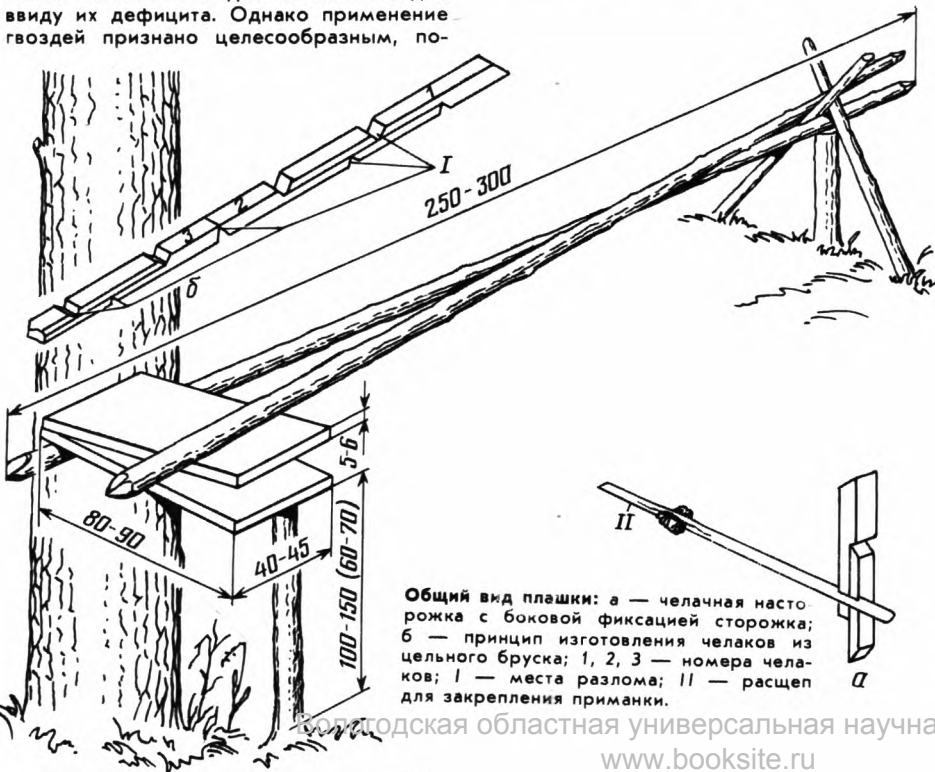
Грибы для приманки нанизывают на нитку, палочки и вывешивают в тени в проветриваемом помещении, заготавливают их из расчета 3—4 шт. на одну плашку.

После сушки грибы укладывают в плотную герметичную тару и хранят, на лабазе, в кладовой или в других помещениях, где отсутствуют острые запахи.

Некоторые охотники применяют сухие грибы, другие предварительно «морят» их в солевом растворе с добавлением растительного масла, меда, чая и других веществ.

Хорошая приманка на соболя в стационарных самоловах — кусочки мяса боро-вой дичи в пере и зайца в шкуре. Другие приманки менее предпочтительны. Преимущество приманок в пере или шкуре состоит в том, что их привлекательность для соболя сохраняется дольше, поскольку они в меньшей степени выветриваются. Чтобы как-то уменьшить выветривание, рекомендуется заменять грибную и мясную приманки через 20—25 дней.

Следует иметь в виду, что четких рекомендаций по эффективности той или иной приманки нет, охотникам в этом вопросе предоставляется широкий выбор.



ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ МЕДВЕДЯ!

М. ВАЙСФЕЛЬД,
охотник,
кандидат биологических наук

Убежден, мало кто из читающих эти строки может с уверенностью сказать, что хорошо знает этого зверя. Изучать его в природе необычайно трудно и всегда опасно. Материал собирается по крупицам, зачастую в очень сложных условиях, и «добывание» научной информации растягивается на годы. Поэтому ученых-зоологов, занимающихся изучением биологии бурого медведя и хорошо ее знающих, можно пересчитать по пальцам. По сравнению с количеством научных и даже научно-популярных публикаций о других видах животных литература о медведе более чем скудна. До массового же читателя она обычно не доходит. Поэтому он черпает «знания» о жизни этого хищника чаще всего из статей в широкой печати и из рассказов «очевидцев».

Между тем сплошь и рядом о медведе (как и о других животных) пишут люди, не только далекие от зоологии, но и не вооруженные даже самыми элементарными натуралистическими знаниями. В этих статьях преобладают эмоции, субъективные, поверхностные, часто умозрительные рассуждения и непомерная категоричность. Издержки некомпетентных суждений и призывов, увы, бывают окрашены в драматические тона, служат подчас причиной трагедий (к конкретным фактам мы еще вернемся).

Ярким примером публикаций такого рода служит письмо М. Костюкова, опубликованное в 50-м номере «Собеседника» (1987 г.) под весьма тенденциозным заголовком — «Оборона? Нет, агрессия!».

«Насколько опасен бурый медведь?» С этого вопроса автор начинает свое письмо. Ну что ж. Давайте и мы попытаемся на него ответить. Тем более что проблема взаимоотношения медведя и человека относится к тем проблемам, которые, по сути, находятся в компетенции специалистов. Однако, прежде чем перейти к существу вопроса, совершенно необходимо проанализировать некоторые приведенные М. Костюковым так называемые факты и правомерность отдельных заключений. Автор рассказывает о том, как разгневанный охотник, обнаружив своего коллегу в тайге растерзанным и предположив, что это работа медведя, в отместку «выгнали из берлог и перебили всех медведей в радиусе 70 км». А к мнению «дряхлого старика-охотника», что охотник, дескать, замерз во хмелю и был попросту расклеван вороньем, не прислушались.

Полностью оставляю на совести М. Костюкова достоверность этой жуткой истории. Хочу лишь сказать, по-видимому, мало сведущему в охоте автору, что любой таежный охотник, да и не только

таежный, легко вытропит (знаком ли М. Костюкову этот термин?) по снегу ша-туна (гибель охотника, по всей видимости, его «работа»), после чего уничтожение опаснейшего хищника не составит особой проблемы. А вот обнаружить в «радиусе 70 км» все берлоги не под силу даже

бригаде профессионалов. Застрелить же медведя, виновного в смерти человека, — долг охотника. Кошунственно жалеть зверей, которые убивают и калечат людей!

Делясь, как он утверждает, своим опытом, автор поучает читателя, что, мол, медведь агрессивен лишь в двух случаях:

Медведь-шатун может стать людоедом.

Фото И. МУХИНА



«в октябре (выделено мной — М. В.), в разгар гона, и в случае защиты медведицей своего потомства». Согласен с автором, в эти моменты (но далеко не только в эти) агрессивность зверя возрастает, однако хочу огорчить М. Костюкова. Вопреки данным его опыта гон у медведей на всем протяжении их обширного ареала происходит не в октябре, а летом, в основном в июле. Это научный факт.

В слепом неведении о самой возможности существования в природе медведей-людоедов, автор буквально обрушивается, притом в весьма грубой форме («образчик», «образец пропаганды ненависти к медведю»), на прекрасный, на мой взгляд, фильм «Злой дух Ямбуя». Не знаю, известно ли автору, что фильм этот поставлен по одноименной книге Г. Федосеева? Думаю, что вряд ли.

В книгах Г. Федосеева, в том числе и в книге «Злой дух Ямбуя», нет и намека на «пропаганду ненависти» ни к медведю, ни к другим животным. Нет ее и в фильме. Сюжет его очень близок к содержанию книги, которая, и это важно подчеркнуть, основана на реальном событии. В книге и фильме речь идет не о медведях вообще, а о конкретном медведе-людоеде. Неужели нужно убеждать в необходимости уничтожения зверей-людоедов? Звери-людоеды были и раньше (вспомните захватывающие книги Д. Корбетта о тиграх-людоедах) и встречаются сейчас (кстати, исключительную агрессивность к людям проявляют иногда и не только хищники). Одно время в Дарвинском заповеднике на людей неоднократно нападали лосиха.

К чему же призывает М. Костюков? Оставить медведя в покое? Полностью закрыть на него охоту? Приблизить его к себе и, так сказать, подружиться? Опаснейший призыв! Скольким людям реализация его стоила жизни!

На гребне популярности сейчас волны повышенного внимания к природе вообще и к животным в частности (что можно только приветствовать) нет-нет да и прозвучат призывы чуть ли не к одомашниванию медведя. Его представляют этаким мохнатым добродушным увальнем, добрым и дружелюбным, которого хочется обнять, погрузив руки в его густую шерсть, и уж, конечно, пожать лапу. («Вон, поглядите, в цирке мишки в хоккей играют, на велосипедах и мотоциклах ездят. Ну не прелесть ли эти косолапки!») Кое-где медведя стали прикармливать и действительно пытались пожать лапу. Трагических результатов этого «лапопожатия» не счесть. Случались они и у нас (на Камчатке, в Сибири), случались и в Северной Америке.

Автор восклицает: «Никогда не поверю, чтобы медведь мог задрать человека за здорово живешь». Поразительная неосведомленность, а если называть вещи своими именами — невежество. Заверяю М. Костюкова, задирает, и еще как задирает медведь человека! И «за здорово живешь» (что означает неспровоцированно) и не «за здорово» (защищаясь или мстя).

Ученые всегда предупреждали: держите хищных зверей на расстоянии. Над их поведением властвуют инстинкты. Один из них — инстинкт агрессии, особенно мощный у хищников. Он хорошо известен этологам и обстоятельно описан в известной книге (увы, у нас так и не изданной) одного из основателей этологии К. Лоренца «Агрессия». Агрессивность животных часто непредсказуема. Это полностью относится и к медведю.

Действительно, в обычных условиях, то есть если это не шутун, если он не ранен, не защищает потомство от прямого посягательства, не спровоцирован к нападению вмешательством в процессе гона и так далее, медведь первым на человека не нападает. Однако в этих самых «обычных» условиях так поступят 8 или 9 зверей, тогда как непредсказуемый десятый медведь нападет по ему только одному известной причине.

Прошлым летом в Архангельской области, где я проводил полевые работы по этому виду, крупный медведь напал («за здорово живешь») на женщину, собиравшую ягоды. Это был тот самый «десятый» зверь. Сколько их, «десятых», нападает на людей ежегодно?!

Итак, насколько опасен бурый медведь? Науке известны сотни достоверных случаев нападения медведей на людей. Причем неспровоцированных из них (в основном нападают шатуны) куда как больше, чем когда человек, что называется, начал первым. Приходится удивляться, что М. Костюков, садясь за письмо, не посчитал нужным ознакомиться хотя бы с научно-популярной литературой о медведе (не говоря уже о научной). К примеру, с недавно вышедшей в Иркутске прекрасной книгой знатока буро медведя, кандидата биологических наук С. К. Устинова «Год и вся жизнь медведя». Там этих достоверных и подробно описанных случаев предостаточно.

С. К. Устинов совершенно справедливо пишет, что медведь — это «...стремительный, порой свирепый, неукротимо злобный, бесстрашный, дерзкий... зверь». От себя добавлю, что особой яростью и дерзостью отличаются шатуны — не залегшие в берлогу, голодающие звери, обреченные на гибель и совершенно утратившие изначальный страх перед человеком. Скольким охотникам и другим людям, для которых тайга — место работы, встреча с агрессивным медведем стала последним днем жизни! Сколько людей в результате этих встреч остались калечками! Как же можно не знать этого человеку, вознамерившемуся писать о медведе?!

Студента, будущего охотоведа, в заснеженной сибирской тайге буквально разрывают на части рассвирепевшие шатуны; охотника, пробиравшегося по ночному лесу к глухарину току, одним ударом лапы убивает отошедший за голодными послеберложными днями крупный медведь. (В берлоге медведь расходует жировые запасы очень незначительно. Они используются в основном в период ранневесенней бескормицы.) После неурожайного на медведя корма сибирского лета и осени сотни не залегших в берлогу медведей терроризируют целые деревни, вламываются в охотничьи избышки через окна и двери, убивая и калеча их хозяев-охотников, режут скот, нападают на промысловых в тайге пушнину охотников, убивают случайных прохожих, в том числе женщин и детей. И все это не только в прошлые годы. Все это и сейчас, в наше время, в 80-е годы.

Щадя читателей, я намеренно не рассказываю о леденящих кровь деталях и подробностях и не привожу конкретных данных (цифры, районы трагедий и др.), хотя и располагаю ими. Об этом подробно и обстоятельно написано в специальной литературе. Работы известных наших специалистов по бурому медведю (П. Б. За-

вацкого, М. П. Павлова, В. С. Пажетнова, Г. Г. Собанского, С. К. Устинова и др.) насыщены этими данными. И желающих узнать об агрессивности медведя из достоверных источников, а не из письма М. Костюкова, я отсылаю к трудам этих ученых — они вполне достижимы. Много материалов о трагических результатах взаимоотношений человека и медведя можно найти в подшивках журнала «Охота и охотничье хозяйство» за прошлый и текущий годы. Об одном из последних таких случаев гибели человека в результате нападения медведя рассказано в «Правде» («Опаснее тигра», № 321 от 17 ноября 1987 г.).

Так что же, слышу я возмущенные голоса, объявить медведю войну, уничтожать его, как мародера-волка? Ни в коем случае! Ни под каким видом я не призываю к этому!

В той же книге С. К. Устинова говорится о медведе как о «...естественном украшении тайги...», «неповторимом творении эволюции» и вместе с тем «ценнейшем биологическом ресурсе» и «великолепном охотничьем трофее». Нельзя не согласиться с этими строками. Не только бурый, но и белый и черный медведи (в СССР обитает три вида этих животных) — это наша национальная гордость, национальное достоинство и богатство. Но бурый медведь еще и охотничий ресурс. И как всякий природный ресурс, если запасы его не подорваны, его надо рационально использовать. (Используем же мы соболя — хотя он тоже наша национальная гордость.) Бурый медведь был, есть и, хочется верить, будет объектом охоты. Ибо сам факт открытости охоты на животное свидетельствует о благополучии его популяции. Когда же она находится под угрозой, охоту на этот вид закрывают. Так, кстати, случилось с белым и черным медведями. Охота на буро медведя всегда была уделом смелых и сильных людей. Такой она осталась и поныне. Иное дело, что кое-где организация этой охоты оставляет желать лучшего. Но это уже отдельный (и, надо сказать, актуальный) разговор.

У охоты вообще и на медведя в частности были и остаются противники. Ну что ж, право каждого — любить охоту или яростно ненавидеть. Я не собираюсь вступать с ними в дискуссию и доказывать благотворное влияние охоты (при правильной ее организации) на животный мир, и в частности на медведя. Скажу лишь, что подлинно широкое экологическое мировоззрение не должно замыкаться на одной лишь охране природы и бессмысленно без принятия концепции рационального природопользования.

Однако оставим охоту на медведя охотникам, а изучение его — ученым.

Мне же хочется закончить свою статью следующими словами: «Уважайте, любите прекрасное творение природы — буро медведя, относитесь к нему с почтением, но остерегайтесь его! Не верьте, что медведь безобиден. Помните, что медведь опасен, опасен чрезвычайно, ибо никогда не знаешь, что у него «на уме» и как он поведет себя при встрече с вами. Не считайте его добродушным увалнем и всегда держите предельную дистанцию, чтобы не пришлось в результате вашей доверчивости и неосторожности вновь собирать бригаду охотников и просить ее разыскать «все берлоги в радиусе 70 км» с тем, чтобы повально уничтожить их обитателей».

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРКИ: КАКИМИ ИМ БЫТЬ?

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР считают, что успешное решение задач по улучшению всего дела охраны природы возможно только при условии резкого подъема экологической культуры и знаний в этой области.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О коренной перестройке дела охраны природы в стране»

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИЛИ ПРИРОДНЫЙ?

В. ЧИЖОВА,
научный сотрудник
географического факультета МГУ,
кандидат географических наук

Как известно, согласно Типовому положению, утвержденному Госпланом СССР и ГКНТ 27 апреля 1981 г., а также Государственному стандарту, полное наименование наших национальных парков — государственные природные национальные парки. До того они назывались где просто национальными (Прибалтика и Кавказ), где природными (Киргизия и Украина), где народными (Узбекистан). Такие названия сохранены за ними и поныне, хотя в перечне ЦСУ да и во всей научной литературе они теперь относятся к категории национальных.

Этот разноречивый получился оттого, что долгое время к термину «национальный» в применении к нашим паркам относились весьма настороженно. И по словам самих узбеков и киргизов, назвать свой парк «национальным» означало бы создание «парка для себя», «для своей нации», а не для всего советского народа. Оттого и появились «природные» или «народные», а то и «интернациональные» парки (так назывался в проекте Узбекский народный парк).

Затем термин «национальный» в применении к нашим паркам наконец-то был признан сначала учеными, а затем и юристами, ибо вспомнили, что в корне его стоит латинское слово *natio* — в переводе с латинского это означает «народ». А во-вторых, было предложено не вносить путаницу и в без того сложную международную терминологию.

Но тут возникла новая, неожиданная сложность. Как уже сказано, в Типовом положении и в Госстандарте утвердился термин-суррогат из двух абсолютно самостоятельных до того территориаль-

ных форм охраны природы, соединив вместе несоединимое: природный и национальный парк.

Чтобы доказать эту несовместимость, приведем их сравнительную характеристику (см. таблицу). Из нее следует, что по всем основным параметрам: целям создания, требованиям к выбору территории, функциональному делению и даже средней площади — они существенно различаются. Основной задачей природных парков является удовлетворение потребности населения в отдыхе на лоне природы, а охрана природных ресурсов осуществляется только в целях поддержания рекреационного потенциала территории. Соответственно для них не характерна зона абсолютной заповедности, обязательная в составе функциональных зон национальных парков. Отсюда и значение природных парков находится на уровне автономно-республиканского, областного (краевого) или районного, а не общесоюзного или союзно-республиканского, как национальных парков.

Эти отличия давно приняты во всем мире, и каждый из этих терминов уже десятки лет применяется для обозначения вполне определенной категории охраняемых территорий, да и создавать их начали в разные периоды. Так, если национальные парки на нашей планете начали появляться с 1872 г., то природные парки — с 1909 г. К настоящему времени организация последних приобрела широкий размах, особенно в сильно урбанизированных странах Западной Европы. В частности, в ГДР они занимают более 10 % всей территории республики. Создают их и в республиках Советской Прибалтики: в Латвийской ССР, к примеру, уже есть 10 природных парков, а в дальнейшем станет еще больше. Есть здесь и специально разработанное типовое положение о природных парках.

Тем не менее в общесоюзном масштабе этот тип охраняемых территорий еще не обрел права на самостоятель-

ную жизнь. И, может быть, именно по этому (но, конечно, не только поэтому) ученые-географы и экологи никак не могут договориться между собой, к какому классу следует относить национальные парки: рекреационных или природоохранных систем. Приводится масса доказательств в пользу того или иного класса, и, судя по ним, это не пустые терминологические упражнения, а чья точка зрения победит, такими мы и увидим наши национальные парки в будущем.

Мы считаем, что этот спор является именно следствием необдуманного сращения в одном термине двух разнородных понятий: национального и природного парка. А разъединили бы их, расставили бы по своим местам — и стало бы ясно, что к классу рекреационных систем надо относить природные парки, а к классу природоохранных — национальные (или если выделить и такой переходный класс, как рекреационно-природоохранные, то к нему).

Мы считаем, что вовсе исключать или сильно принижать значение национальных парков для развития рекреации (как это делают некоторые наши ученые) неправильно. И поэтому относим наши национальные парки к рекреационно-природоохранным классу. По своей сути, этот класс представляет собой разновидность социальных геосистем, занимающих промежуточное положение между рекреационными территориями и заповедниками и являющихся одновременно элементом рекреационной сети СССР и системы особо охраняемых природных территорий. В этом случае нет необходимости особо доказывать, что в национальном парке (в отличие от природного, с одной стороны, и от заповедника — с другой) природа должна охраняться не только для обеспечения рекреационных задач, но и для типично заповедных целей (сохранение эталонов природы и генофонда). Рекреационная же деятельность может рассматриваться и как условие сохранения природы, и как альтернатива ее традиционному хозяйственному использованию.

О необходимости создания, критериях выбора территории, целях, задачах и других вопросах организации национальных парков в нашей стране уже сравнительно много сказано и написано. А вот о том, зачем нам нужны природные пар-

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАЦИОНАЛЬНЫХ И ПРИРОДНЫХ ПАРКОВ

Основные характеристики	Форма организации территории	
	национальный парк	природный парк
Значение	Общегосударственное или союзно-республиканское	Автономно-республиканское, областное, районное
Цели создания	Охрана природы: научные исследования, природоохранное воспитание	Отдых населения Охрана природы, природоохранное воспитание
Средняя площадь	Отдых населения Десятки и сотни тысяч гектаров	Тысячи гектаров
Основные функциональные зоны	Заповедная, туризма, массового отдыха	Массового отдыха, туризма
Специфические требования к территории	Благоприятные природные условия, живописные пейзажи, наличие достопримечательных природных объектов, слабая нарушенность человеком Наличие природных объектов научного значения, наличие культурно-исторических объектов, уникальность достопримечательных объектов	Благоприятные природные условия Живописные пейзажи, наличие достопримечательных природных и культурно-исторических объектов

ки, можно услышать, пожалуй, лишь от прибалтийских ученых да проектировщиков, то есть от тех, кто реально их создает, несмотря на законодательное слияние их с национальными парками на общегосударственном уровне.

Мы считаем, природные парки особенно необходимы в условиях высокой освоенности территории человеком, там, где от первозданной природы остались лишь островки в море антропогенного ландшафта, возникшего в результате хозяйственной деятельности. В таких местах очень актуальна проблема организации рекреационных территорий. К примеру, они очень необходимы в Московской, Тульской, Курской и других областях Черноземного и Нечерноземного центра России. Здесь природные парки будут представлять наиболее удачную форму удовлетворения рекреационных потребностей населения, с одной стороны, и сбережения ресурсов природы — с другой. Режим природных парков будет способствовать ограничению хозяйственной деятельности в пределах территорий, ценных в рекреационном и познавательном отношении. Кроме того, он поможет упорядочить рекреационную деятельность и наряду с увеличением возможностей для развития различных видов отдыха будет препятствовать деградации наиболее посещаемых участков.

Ландшафты природных парков будут

выполнять не только рекреационную роль, но и ряд других функций: климато-регулирующую, санитарно-гигиеническую и т. п. При этом важно отметить, что территория природных парков в отличие от заповедников и большинства национальных парков не изымается из традиционного хозяйственного использования, оно лишь несколько ограничивается в связи с основной ориентацией на удовлетворение рекреационных потребностей населения.

И, наконец, немаловажная проблема — экологическое образование и воспитание населения, которая составляет наряду

с охраной природных ресурсов одну из сопутствующих задач природных парков. Наиболее рациональные формы такого образования — создание музеев в природе, проведение экологических экскурсий, различных природоохранных дел, организация учебно-экологических троп. Все это довольно затруднительно, как показывает опыт, проводить на тех участках, которые не имеют режима особой охраны. И в этом случае наиболее удобна территория, обеспечивающая действенность названных организационных форм экологического образования и воспитания — природный парк.

ОПЫТ ЛАХЕМААСКОГО ПАРКА

Ф. НЫММСАЛУ

Министерство лесного хозяйства и охраны природы Эстонской ССР

Основная идея создания Лахемааского национального парка исходит из первых декретов Советской власти, в том

Здесь можно узнать многое из того, что интересует туристов.

Фото В. ЖИВОТЧЕНКО

числе декрета, подписанного В. И. Лениным в 1921 г., согласно которому территории, представляющие большую научную и культурно-историческую ценность, объявляются заповедниками и национальными парками. Строго учтены также требования, предъявляемые к национальным паркам X Генеральной ассамблеей МСОП (Международного союза охраны природы и природных ресурсов).

Исходя из этих принципов, были сформулированы основные цели Лахемааского национального парка:

1) сохранение и охрана природы национального парка, особенно крупных природных сообществ (лесов, болотных массивов и др.), природных объектов, представляющих особую ценность, культурных ландшафтов вместе с памятниками истории и культуры, а также зданий и сооружений, представляющих этнографическую и архитектурно-историческую ценность;

2) организация и проведение научно-исследовательских работ по изучению экосистем и культурных ценностей с привлечением к этой работе соответствующих научных учреждений и созданием необходимой для этого базы;

3) ознакомление посетителей с природой и достопримечательностями национального парка, с историческим развитием взаимосвязи человека и природы, а также с актуальными проблемами охраны окружающей среды;

4) содействие в проведении воспитательной работы среди молодежи путем ознакомления ее с природой родного края, революционным прошлым народа,

культурным наследием и проблемами охраны окружающей среды;

5) сохранение отдельных участков природы парка в естественном состоянии для проведения наблюдений за явлениями природы и изучения природных процессов;

6) содействие в организации отдыха трудящихся в установленных для этого зонах парка.

Функциональное зонирование делит парк на природные и культурные ландшафты. В состав природных ландшафтов входят сохранившиеся в естественном состоянии наиболее крупные участки, представляющие научную или эстетическую ценность. К ним относятся: резерваты и ландшафты, пользование которыми регулируется.

Резерваты — это территории, представляющие особую научную ценность, где природная среда развивается без прямого вмешательства человека. Заметные изменения в природе резерватов могут быть вызваны только стихийными бедствиями, распространением вредителей, заменой одной древесной породы другой вследствие старения леса или другими естественными процессами. В резерватах запрещена всякая хозяйственная деятельность человека, за исключением научно-исследовательских работ, проводимых с особого разрешения.

Резерваты составляют 6,4 % общей территории парка: Суурекырве — 1442 га (лес и верховое болото); Лаукасоо — 1516 га (верховое болото, около 100 озерков и окниш); Коляку — 905 га (лесной резерват); Вайнупеа — 273 га (прибрежный лес).

Природные ландшафты с регулируемым использованием — это территории, где экосистемы, представляющие научную,



эстетическую или историческую ценность, образовались под воздействием длительной деятельности человека и сохраняются с его помощью. Для сохранения этих экосистем необходима дальнейшая деятельность человека, за исключением работ, вызывающих необратимые изменения в природе. Здесь обеспечивается сохранение многих местных видов растений и животных.

Посещение этих ландшафтов с учебной и культурно-просветительной целью регулируется администрацией национального парка и разрешается только в пределах, не оказывающих вредного влияния на природу. Для природных ландшафтов устанавливается общий режим использования земель и охраны природы, предусмотренный для заповедников.

В состав культурных ландшафтов национального парка входят участки, находящиеся под влиянием деятельности человека. Это главным образом сельскохозяйственные угодья. Среди культурных ландшафтов выделяют:

хозяйственные зоны, т. е. территории, где сохраняются и создаются типичные для национального парка культурные ландшафты (ведется сельское, рыбное и отчасти лесное хозяйство). Сельскохозяйственное производство в этих местах развивается в соответствии с утвержденными вышестоящими органами перспективными планами, с учетом современного уровня интенсивности ведения хозяйства;

зоны отдыха, где сосредоточивается рекреационная деятельность, осуществляемая кратковременное размещение посетителей национального парка, их бытовое и культурное обслуживание.

К застройке и работам, изменяющим облик местности и природный комплекс, предъявляются повышенные ландшафтно-архитектурные требования. На территории культурных ландшафтов устанавливается режим, предусмотренный для ландшафтных заказников. В зонах природных и культурных ландшафтов может действовать, кроме того, особый режим охраны объектов и зон, представляющих особую научную, учебно-воспитательную, эстетическую или рекреационную ценность.

Все леса национального парка отнесены к I группе. Ведение хозяйства в лесах зависит от функционального зонирования.

Лахемаский национальный парк не является обычной рекреационной территорией, прежде всего это заповедник, где массовое посещение не предусмотрено. Национальный парк призван дать посетителям, в первую очередь учащимся, возможность познать природу, взаимоотношения человека с природой, воспитать в молодом поколении сознательное к ней отношение.

Лахемаский национальный парк принимает за год 35—40 тыс. посетителей. Разработаны учебно-познавательные автобусно-пешие маршруты, состоящие из отдельных троп. Размеченные в природе маршруты являются средством регулирования посещаемости и рассеивания посетителей по территории парка. Турист, снабженный проспектами и описаниями маршрутов, может самостоятельно получить информацию об окружающей природе и достопримечательностях, для учащихся и студентов создана сеть учебных баз, где можно воспользоваться имеющимся оборудованием и изу-

чать природу по учебным маршрутам и на учебно-познавательных участках. Отклонения от туристических маршрутов не допускаются, так как свободный доступ в глубь заповедных территорий и резерватов нарушает девственность природы, равновесие ценных природных сообществ. Организуется осмотр парка группами под руководством штатного работника — экскурсовода.

В Лахемаском национальном парке не допускаются:

строительство новых промышленных комплексов, организация садоводческих и дачных кооперативов, добыча полезных ископаемых для вывоза за пределы парка;

любительская охота (видовой и возрастной состав дикой фауны и ее численность регулируются научно обоснованными планами);

организация сборов и слетов, разбивка лагерей и палаток, разведение костров за пределами предусмотренных для этого мест без разрешения администрации парка;

передвижение и стоянка механизированных транспортных средств за пределами дорожной сети или предусмотренных для этого мест (за исключением транспорта, используемого для хозяйственных работ и охраны парка).

Деятельностью Лахемаского национального парка руководит дирекция, которая подчиняется Министерству лесного хозяйства и охраны природы ЭССР. В состав дирекции, кроме директора, входят его заместители по научной части и по обслуживанию, главный лесничий и специалисты-инспекторы охраны природы, научные работники и др. Советом Лахемаского национального парка, в него входят представители министерств и ведомств, а также местных Советов народных депутатов. Состав Совета парка утвержден Советом Министров ЭССР.

Своеобразием Лахемаского национального парка является продолжение деятельности человека в местах, где она велась на протяжении столетий и даже тысячелетий. Реставрируются и взяты под охрану целые деревни и одиночные хутора, изучается история национального парка.

Из Положения о Лахемаском национальном парке вытекает задача всемерно содействовать воспитанию подрастающего поколения в духе уважения к природе родного края, революционному прошлому народа, его культурному наследию, понимания необходимости охраны окружающей среды. В качестве примера ее выполнения можно привести сотрудничество Лахемаского национального парка и Таллинского педагогического института в организации трудовой практики будущих педагогов в Лахемаа. Для молодежи и прочих посетителей, проявляющих интерес к природе, проложены десятки маршрутов.

Расходы по развитию национального парка покрываются из государственного бюджета и платежей, поступающих в фонд национального парка. Уже на протяжении нескольких лет платежи, поступающие в фонд от различных хозяйств, предприятий и заводов, значительно превышают суммы, выделяемые из государственного бюджета. Это наглядно подтверждает, что развитие национального парка является делом всей общественности республики.

УДК 639.125.3

РЯБЧИК

А. ГАЙДАР,
заведующий лабораторией дикорастущих
Всесоюзного научно-
исследовательского института
охотничьего хозяйства и звероводства
им. профессора Б. М. Житкова,
кандидат биологических наук

В весенне-летнее время рябчики любят «купаться» в пыли или песке для очистки оперения от за жирности и эктопаразитов. За жирные перья птиц являются кормом для перьевых паразитов. Когда птица встряхивается, вместе с песком из перьев она выбрасывает наружных паразитов: клещей, пухоедов, мух-кровососов.

В питании птенцов рябчика заметную роль играют животные корма. Причем первые две недели птенцы питаются исключительно животной пищей — пауками, муравьями, гусеницами пядениц и совок, личинками комаров, пилильщиков. С возрастом в питании птенцов появляются семена кислицы, фиалки и других травянистых растений, а затем различные ягоды: земляника, майник, черника, брусника, шиповник, рябина, голубика. В середине сентября различие в питании взрослых и молодых птиц исчезает.

В летнее время содержание животного корма в рационе взрослых птиц не превышает 5 %. Основу его составляют побеги и листья черники, брусники и различных травянистых растений, семена осок, герани, марьянника и др. Осенний рацион — самый разнообразный. Дальневосточные и уссурийские рябчики, например, поедают в это время до 60 разновидностей корма. Основу пищи составляют различные ягоды. Часто птицы набивают зобы семенами марьянника и различных злаков. Однако, несмотря на обилие всевозможных ягод, птицы рано начинают готовиться к грубой зимней пище. Уже в конце августа — начале сентября в пищу рябчика появляются сережки, почки и листья березы и ольхи. Подсчитано, что на пробных площадях рябчики съедают до 65 % урожая земляники и свыше 80 % черники (Раус, 1969). За осенний сезон одна птица съедает около 1,5 кг ягод черники. Вообще, рябчики поедают практически любые ягоды и их рацион зависит от того, какие виды встречаются в данной местности. В орешниках рябчики охотно наполняют зобы кедровыми, лещинными и буковыми орешками, жемчужками.

Чем ниже температура воздуха и длиннее становится ночь, тем большее место в питании рябчика занимают зимние корма. В течение всей зимы птицы кормятся преимущественно на деревьях, особенно при сильных морозах, когда затрачивают на кормежку в течение суток не более 1,5 часов. В северной части ареала в наиболее холодный и темный период зимы птицы кормятся один

Окончание. Начало в № 3, 1988 г.

или два раза в сутки. В морозы при -49°C птицы кормились лишь 25 минут, замирая через 3—5 минут, видимо, для того, чтобы корм в зобу успел согреться (Андреев, 1980). Остальное время суток птицы проводят в снежных камерах. В зобах птиц, добытых вечером, в зимнее время отмечали до 84,6 г корма. Нами установлено, что в снежный период года на 1 час ночного отдыха приходится около 3—4,5 г пищи. Основа зимнего питания рябчика — березовые и ольховые почки содержат высококалорийный жир, смешанный с различными жироподобными веществами, а также крахмал, которые, сгорая в организме, выделяют много энергии. Калорийность сережек и почек древесных пород деревьев (19,3—24,7 кдж/г) оказалась на уровне калорийности ягод и семян осок или даже выше.

В зимний период рябчики почти равнодушно относятся к плодам рябины и

калины, которые в урожайные годы сохраняются на деревьях очень долго. Этот вид корма требует столько тепла на оттаивание и согревание, что количество выделяющейся из плодов энергии не покрывает расхода (Волков, 1970). Кроме отмеченных уже сережек березы и ольхи, рябчики поедают зимой почки этих древесных пород, а также осины, рябины, ивы, лещины, актинидии, тополя. В Сибири у добытых птиц в зобах насчитывали до 2 тыс. почек березы (Дулькейт, 1960). Зимние корма на основной части ареала рябчика занимают значительное место в рационе вплоть до начала мая, когда наряду с ними в большом количестве поедаются распускающиеся почки и молодые листочки березы, ольхи и рябины, листья, почки и побеги черники. Со второй половины весны птицы в пищу употребляют цветки травянистых растений, цветочные почки ивы, черемухи и других древесных пород, а также

вылетают на утреннюю кормежку в 4—5 часов, а вечернюю заканчивают в 21—22 часа по местному времени. Зимой соответственно в 8—9 и 16—17 часов. В течение осенне-зимнего сезона одна птица съедает до 10—12 кг корма, или 100—110 г в сутки; в весенне-летний период — 8—9 кг, или 35—40 г в сутки. Таким образом, годовая потребность рябчика в пище составляет около 17—20,5 кг, что в 45—50 раз превышает вес тела птицы.

Отличия видового состава корма и встречаемости его в зобах птиц в те или иные сезоны года обуславливаются в основном урожайностью и доступностью кормовых растений. Наряду с сезонными изменениями объема корма и его состава изменяется и содержание гастролитов (кашечков) в желудках птиц. Наибольшее количество гастролитов у рябчика отмечено в сентябре — октябре, то есть при переходе птиц на грубый зимний



Рябчик — традиционный объект промысла.
Фото А. ЕРМОЛЕНКО

Самку на гнезде заметить нелегко.
Фото А. ЩЕГОЛЕВА



При сохранности среды обитания численность
рябчика быстро восстанавливается.
Фото Н. НЕМНОВА

появляющиеся побеги хвоща полевого (Формозов, 1976) и перезимовавшие под снегом ягоды и семена. Рябчики охотно поедают молодые побеги лапчатки, хохлатки, манжетки, звездчатки, листья кислицы, таволги, соцветия ивы и осины. У отдельных особей в зобах отмечено до 20,5 г соцветий осины, когда зоб становится похож на тугую резиновый мяч. В марте птицы питаются высыпавшимися из шишек семенами ели, которыми обильно покрыт снег в ельниках. Поедают они и семена лиственницы.

С увеличением светлого времени суток объем пищи в зобу перед ночным отдыхом снижается. В мае — июне птицы

корм. Гастролиты представлены в основном кварцевыми или кремневыми кашечками различных оттенков. Иногда кашечков бывает немного или они совсем отсутствуют. Так, из 85 желудков рябчика, просмотренных осенью 1970 г., гастролиты отсутствовали у 28,4 %. Вместо кашечков в желудках зачастую находят их заменители — твердые семена ягод и плодов. Чаще всего в качестве заменителей отмечаются косточки черемухи и семена костяники. Вес кашечков в желудке взрослых птиц достигает 8 г, в среднем 1,4 г, у птенцов соответственно 2,3 и 1,0 г. У двухнедельных птенцов в желудке находится около 0,3 г кашечков.

Соотношение полов у взрослых птиц близко 1:1. У сеголеток бывает значительное (на 12,5 %) преобладание самцов. Обобщенные сведения о возрастной структуре поголовья рябчиков в осенний

период 1980—1984 гг. показали, что из 16 052 рябчиков, обследованных на территории РСФСР, молодых оказалось 10 753 особи, или 67,0 %.

В общем, процент молодых птиц по регионам изменялся от 64,1 до 71,4 %, а по отдельным годам ни в одном из регионов этот показатель не опускался ниже 60,7 % и не поднимался выше 77,2 %, что свидетельствует о высоком уровне воспроизводства популяции рябчика. В результате мечения птиц нам удалось установить, что в популяции рябчика осенью сеголетки составляют в среднем 60,8 %, годовики — 31,6, двухлетки — 2,9, трехлетние — 2,4, четырехлетние особи и старше — 1,9 %. В Швеции зафиксирован возврат кольца через 7 лет и 3 месяца после кольцевания рябчика. 16 сентября 1974 г. нами был выпущен молодой самец, который добыт 22 сентября 1981 г. в возрасте 7 лет и 4 месяцев. При содержании в вольере на биостанции ВНИИОЗ зафиксирована продолжительность жизни рябчика (самца) в течение 5 лет и 7 месяцев. Обычно в вольерах они жили 3—4 года (Ларин, 1975).

В природе существует цикличность колебаний численности диких животных. На большой территории таежных массивов европейского Севера СССР отмечаются 7—8-летние циклы изменений численности рябчиков. В северных частях ареала рябчика эти колебания более выражены. В Фенно-Скандинавии отмечены 3—4-летние, на северо-востоке Алтая — 10-летние циклы колебания численности рябчика. После подъемов обычно следует резкий спад.

В оптимальных местах обитания плотность населения этого вида может достигать осенью до 120 птиц на 1 км². Решающее влияние на численность тетеревиных птиц, в том числе и рябчика, по мнению многих исследователей, оказывает климат, особенно погодные условия в период насиживания и первый месяц жизни птенцов. Неблагоприятными оказываются также зимы с очень низкими температурами при отсутствии снежного покрова достаточной толщины, а также зимы с частыми сменами морозов и оттепелей. Высокая численность птиц осенью может быть причиной эпизоотий, наблюдавшихся в Уссурийском крае (Воробьев, 1954) и на Урале (Данилов, 1975), а также увеличивает отрицательное воздействие хищников. Имеется также точка зрения, что решающий фактор успешности размножения — физиологическое состояние организма самки, обусловленное наличием необходимого набора кормов в период, предшествующий гнездованию птиц. В случае поздней весны самки не могут хорошо подготовиться к размножению, так как отсутствует необходимое количество богатой витаминами подкормки в виде зелени. На наш взгляд, основная причина снижения плотности населения рябчика — это гибель воспроизводственного поголовья в зимний период от хищников и морозов, а также, вероятно, прохолодание самок по различным причинам. В отдельные годы без выводка отмечено до 38 % встреченных самок (Ивантер, 1973).

Особое следует остановиться на вопросе влияния хищников на численность птиц. Небольшие размеры и одиночный образ жизни делают рябчика птицей, сравнительно доступной для нападения, поэтому этот вид более других среди

тетеревиных страдает от хищников. По данным В. П. Теплова (1947), в пещерской тайге рябчик составляет 41 % биомассы тетеревиных, а доля его от всех тетеревиных в питании лишь пернатых хищников составляет (%): у ястреба-перепелятника — 89, чеглока — 100, сарыча — 40, орлана-белохвоста — 35, ястреба-тетеревятника — 26, филина — 10. В рационе наземных хищников этой тайги он составляет (%): у горностая — 65, лесной куницы — 64, соболя — 57, лисицы — 54, песца — 40, росомеха — 35 всех тетеревиных. В Беловежской Пуще семья ястреба-тетеревятника за два летних месяца добывает в среднем 24 рябчика, а пара сарычей за июль — 7 птиц (Гаврин, 1956). В Приамурье хищники за зиму уничтожают до 40 % поголовья рябчиков, в том числе 80 % птиц погибает от соболя (Юдаков, 1968). Один соболь поедает до 25 рябчиков. В Центрально-Лесном заповеднике к весне численность рябчика уменьшается на 47—67 % из-за гибели от куниц, рысей и лисиц (Волков, 1968). Из 20 случаев гибели рябчиков, зарегистрированных нами в осенне-зимний период, 55 % связано с нападением ястреба-тетеревятника. Остальные погибли в лунках от рыси, волка, лисицы. Нападают на рябчика и совы.

Неурожай какого-либо основного корма слабо влияет на численность, так как сравнительно высокая зривагия (всеядность) рябчика заметно смягчает отрицательное воздействие таких явлений. Например, запасы основного зимнего корма (сережки и почки ольхи и березы) каждый год остаются использованными далеко не полностью, так как в европейской части СССР хороший урожай сережек березы наблюдается ежегодно, а обильный — каждые три года.

Наряду с неблагоприятными климатическими условиями и прессом хищников отрицательное влияние на состояние популяции рябчика могут оказывать различные заболевания, особенно гельминтозы. Чаще всего у птиц отмечаются нематоды (аскариды), а из ленточных гельминтов — цестоды. Кишечные гельминты появляются у птиц с началом поедания зеленых кормов. К зиме крупные кишечные гельминты исчезают из организма птиц под влиянием корма, содержащего антигельминтные вещества, а частично механически — под воздействием грубых частей корма. Ленточные черви зимой прекращают свою деятельность в связи с так называемой «дестробилизацией», когда в кишечнике птиц остаются лишь головки с 5—6 члениками. С наступлением весны у них отрастают новые членики. Круглыми кишечными гельминтами птицы вновь заражаются на порхающих. В бассейне реки Вятки молодые рябчики заражаются ленточными гельминтами начиная с месячного возраста. Экстенсивность заражения у них составляет около 33 %. Круглые гельминты отмечены у птиц в двухмесячном возрасте. Анализ содержимого кишечника 448 особей в осенний период показал, что экстенсивность заражения аскаридами взрослых птиц в 1,8 раза выше, чем сеголетков (соответственно 38,7 и 21,0 %). Существенного различия в степени зараженности цестодами между этими категориями птиц не отмечено (молодые — 5,2 %, взрослые — 5,5 %). Нами проведен опыт по дегельминтизации рябчиков в естественных

условиях. Отловленным птицам вводили желатиновую капсулу с дозой пиперазина-адипината весом 0,25 г. Из 45 птиц, подвергшихся дегельминтизации, часть (24,4 %) была отстрелена через 3—35 дней. Кроме того, копрологическому анализу подвергся помет дегельминтизированных птиц, отловленных вторично. Аскарида (1 экз.) была обнаружена лишь у одной из 12 вскрытых птиц. Против цестодозов использовали фенасал в порошке в дозе 0,1 г/кг живого веса. Кроме того, часть препарата помещали в ягоды рябины и рассыпали их около порхающих для более широкой профилактики гельминтозов тетеревиных птиц.

Добывание рябчиков — традиционная статья дичного промысла в России. В связи с высокими вкусовыми качествами мяса этот вид дичи пользовался неограниченным спросом на внутреннем и внешнем рынках. Мясо рябчиков имеет чрезвычайно нежную консистенцию, превосходящую даже мясо цыплят. Цвет поджаренного мяса рябчика белый, вкус хорошо выражен, приятный, слегка специфичен. Уже через 10—12 минут после начала поджаривания мясо готово, оно становится настолько нежным, что тает во рту. Такими признаками обладают лишь самые высокие сорта мясных блюд. По содержанию жира мясо рябчиков следует отнести к категории умеренной жирности (Забоев, 1954).

Хищнический промысел неоднократно приводил к значительному сокращению численности рябчика в отдельных регионах, однако через некоторое время она неизменно восстанавливалась при условии сохранности среды обитания. В начале XX века заготовки рябчика в России ежегодно составляли около 5,4 млн тушек, а иногда доходили до 7—10 млн (Колосов, Шибанов, 1957; Каверзнев, 1930). В дальнейшем в связи с сокращением площади лесных угодий, изменением их структуры, а также в результате влияния ряда социально-экономических и организационных факторов промысел боровой дичи резко упал, а заготовки значительно снизились. За период Советской власти наивысшего уровня (2,4 млн тушек) среднегодовые заготовки дичи достигали в стране в 30-е годы. В 1981—1985 гг. их уровень снизился до 422,7 тыс. шт., из которых около 34 % приходится на рябчика. По ориентировочным подсчетам, в конце 60-х гг. численность рябчика в стране достигала 32—37 млн особей, из которых охотники ежегодно добывали около 4 млн птиц (Гаврин, 1970). Следует отметить, что установление общей численности боровой дичи в стране затруднено в связи с недостатком сведений по территориальному распределению птиц. Кроме того, запасы дичи не стабильны и повсеместно подвержены периодическим изменениям.

По данным исследований ВНИИОЗ и других научных учреждений, осеннюю численность рябчика в середине 70-х — начале 80-х гг. на северо-западе РСФСР оценивали в 1,5 млн особей, из которых не менее 230 тыс. добывали охотники. На территории европейского Севера обитало до 3—3,5 млн особей, центральных областей — 1—1,3 млн, Волго-Вятском экономическом районе — до 1,1, Поволжском — 0,5, Уральском — 2—2,3, Западно-Сибирском — 3—3,2, Восточно-Сибирском — 2,5—3, Дальневосточном — 1,1—1,6 млн особей. Таким

образом, в РСФСР, по самым скромным подсчетам, в начале 80-х гг. обитало 14,2—16,5 млн рябчиков. Кроме того, на территории УССР осенняя численность составила до 70—75 тыс. особей, БССР — 150—165, Латвии и Эстонии — по 75—80 тыс. особей, то есть на территории СССР предпромысловая численность рябчика оценивалась на уровне 14,6—16,9 млн особей.

Данные, полученные из различных литературных источников, в последние два десятилетия свидетельствуют, что численность рябчика в некоторых европейских странах находилась на следующем уровне (тыс. особей): Венгрия и Югославия — по 1,7—2,0; Чехословакия — 10—11; Польша — 16,0; ФРГ — 4,0; Финляндия — 95—100. В Болгарии рябчик малочислен и находится под охраной.

Годичный прирост популяции рябчика к осени обычно составляет до 250—350 %, а гибель птиц к следующему сезону размножения достигает 50 % осенней численности. Следовательно, для определения норм добычи необходимо исходить из данных осеннего учета и размеров естественной гибели в течение зимнего сезона. Следует учитывать и гнездовую емкость территории. В охотничьих хозяйствах страны и за рубежом нормы добычи боровой дичи обычно определяют в размере 20—30 % осенней численности, если годичный прирост был не ниже 150 %. Однако, на наш взгляд, эта норма справедлива лишь для годов со средним «урожаем» рябчика. В годы пиков численности, когда доля сеголеток в популяции достигает 70—75 %, нормы изъятия следует увеличить до 50—60 %. В противном случае в результате резкого спада численности, характерного для данного вида, охотничье хозяйство недополучит значительное количество деликатесной дичи.

В настоящее время проблема увеличения добычи рябчика и поступления его в товарные заготовки в значительной мере зависит от интенсификации промысла и применения при этом наиболее эффективных и нетрудовых способов добычи. Сейчас рябчика добывают в основном охотники-любители, используя ружейный способ, что эффективно лишь в годы высокой численности птиц. Лучшие ружейные охотники за два осенних месяца добывают до 200 птиц. Обычно же даже в местах, изобилующих рябчиками, их добывают очень мало. Например, в Красноярском крае в сезон 1982/83 г. 258 штатных охотников в промхозах сдали в среднем по 4,7 птицы, а 884 охотника-любителя — лишь по два-три рябчика на человека. Большая часть добытых птиц идет на приманку для пушных зверей. Охотники-любители до 40 % дичи используют для собственного питания.

Для получения товарной продукции и повышения эффективности промысла в северных таежных районах страны следует широко распространить давно известный и весьма добычливый способ лова рябчика с помощью петелек на жердках. Самоловный промысел отличается высокой производительностью, а его продукция — высоким качеством. Отлов рябчика жердками наиболее добычлив с начала сентября и до конца октября, когда птицы активны и еще охотно идут на приманку. К этому времени молодые птицы уже не отличаются от

взрослых по размеру и весу, а прохладная погода позволяет хорошо сохранять дичь. Среднее количество самолетов, которое может обслужить один охотник, составляет 300—400 шт., иногда до 800 шт., расположенных на промысловых путях длиной 12—15 км. Передовики охотничьего промысла, такие, как Я. А. Пулков в Томской области, применяют до 2000 жердок, расположенных на четырех промысловых путях протяженностью до 30 км каждый. В 1980 г. этот охотник отловил и сдал на заготовку 2500 рябчиков, а в среднем за последние 10—12 лет годовая добыча у него составила 1200 птиц. В октябре 1982 г. в Тувинской АССР в пойменных лесах при средней плотности населения птиц один охотник-промысловик 300 жердками добывал в день по 15—35 рябчиков. В Кировской области некоторые охотники с помощью жердок добывали по 300—350 птиц каждый. Важный вопрос при самолловном промысле — его влияние на численность птиц. Обладая высокой эффективностью, он требует соблюдения определенных правил.

С помощью мечения установлено, что зона действия жердок составляет примерно 0,5 км в каждую сторону. Следовательно, располагать самолловные пути ближе 2 км друг от друга нельзя, между ними должна оставаться непромысловая территория, или резерваты. Четкий критерий депрессии численности рябчика — низкий уровень сеголеток в популяции (менее 60 %). Это легко установить, просмотрев промысловую пробу в количестве около 80 птиц. Кроме того, установлено, что почти 90 % добытых птиц попадает в жердки в течение первых двадцати пяти дней (при проверке самолетов через день), поэтому необходимо прекращать промысел рябчиков на самолловном пути через 20—25 дней, что будет также способствовать сохранению части поголовья для воспроизводства.

К массовому отлову и заготовкам рябчиков необходимо привлечь, кроме промысловиков, охотников-любителей, егерей, лесников. Сам по себе отлов интересен и хорошо сочетается с запросами охотников-любителей, особенно горожан. Многие из них с удовольствием проведут свой отпуск в лесном зимовье, сочетая отлов с ружейной охотой, рыбалкой, сбором грибов и ягод. Но для этого в промхозах нужно создать необходимые условия: соорудить и оборудовать самолловные пути, построить охотничьи избушки, обеспечить своевременный вывоз добытой продукции. Организация широкой сети самолловных путей в таежных угодьях, богатых рябчиками, дает возможность значительно повысить производительность труда охотников, более полно освоить запасы этого вида дичи и получить много ценной продукции, пользующейся повышенным спросом. Многолетние опыты показали, что самолловный промысел не является избирательным в отношении какой-либо половозрастной группы и его длительное применение не нарушает структуру популяции птиц. Среди спортивных способов охоты на рябчика наиболее популярна охота с манком и с подхода, которые достаточно широко описаны в литературе. Следует лишь отметить, что охота с манком отличается избирательностью в отношении самцов, доля которых составляет до 80—90 % от всех добытых птиц.

Ян Еник. **Иллюстрированная энциклопедия лесов.** — Прага: Артия, 1987. — 431 с. 10 р.

Что отличает миллионы растений, животных и микроорганизмов, живущих в лесу? Как ведут себя тысячи видов, борясь за источники энергии и питания? Почему некоторые виды, превосходящие по силе остальные, так и не стали доминирующими в лесу? Под действием каких факторов на протяжении тысячелетий формировались лесные сообщества и как происходила их адаптация в конкретных условиях обитания? Почему девственные леса не исчерпали источников питания и почему деревья и животные не стали жертвой нашествия своих потомков? Чем отличаются леса холмов и горных систем, аридных и болотистых районов? Какие особые виды лесов растут в разных уголках нашей планеты? Ответы на эти вопросы читатель найдет в восьми главах этой книги. Автор привлек в помощь тексту разнообразный документальный материал: 78 цветных и 666 черно-белых иллюстраций.

В. Г. Юдин. **Лисица Дальнего Востока СССР.** — Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. — 1000 экз. 284 с. 2 р. 10 к.

В монографии показана возрастная, географическая и сезонная (годовая) изменчивость морфометрических признаков лисицы Дальнего Востока СССР; описаны два новых подвида, уточнены диагнозы известных подвидов; освещены основные вопросы экологии (структура популяций, размножение, плодовитость); даны биологические обоснованные рекомендации по хозяйственному освоению лисицы в различных природных зонах региона.

Вопросы экологии. Труды государственного заповедника «Столбы». Вып. XV. — Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. — 500 экз. 234 с. 1 р. 80 к.

В тематический сборник вошли статьи по изучению видового состава флоры, фауны и экологии отдельных видов растений и животных, по охране природы и заповедному делу, материалы, рассказывающие о влиянии крупного промышленного города на природный комплекс горной тайги.

Особый интерес для читателя представляют статьи «Материалы к экологии соболя заповедника «Столбы» и прилегающих районов» А. Н. Зырянова и «О маршрутном учете соболя» В. И. Булавкина и А. Н. Зырянова.

Максим Зверев. **На егерских кордонах.** — Алма-Ата: Жазушы, 1987. — 100 000 экз. 352 с., ил. 1 р. 40 к.

В новую книгу старейшего писателя-натуралиста Максима Зверева вошли рассказы и очерки, посвященные самоотверженной и опасной работе егерей, отважно вступающих в схватку с браконьерами. Писатель делится воспоминаниями об охотничьих встречах, о забавных и трагических приключениях, поведенных охотниками у ночного костра.

Валентин Тянь. **Березовые острова.** — М.: Моск. рабочий, 1987. — 30 000 экз. 111 с. 30 к.

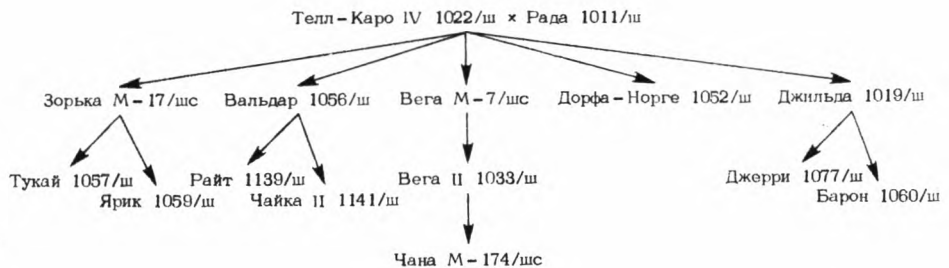
В книгу вошли рассказы о людях, влюбленных в природу родного Подмосковья, заботящихся об охране окружающей среды. Оберегать природу, преобразяя ее, — долг и призвание человека. Эта мысль — ведущая в книге.

„БЕЗ ЗНАНИЯ КРОВЕЙ НЕТ ПЛЕМЕННОГО ДЕЛА”

И. МЕДВЕДЕВА,
эксперт всероссийской категории,
доктор биологических наук

Как у диких, так и у домашних животных, в том числе у собак, встречаются наследственные болезни и уродства, делающие данную особь непригодной для нормальной жизни и ее рабочего использования. В природе такие особи обычно не выживают, так как оказываются неконкурентоспособными в борьбе за существование (действует естественный отбор). У домашних животных, в особенности у породистых собак, которые находятся в своем подавляющем большинстве в руках частных владельцев, дело обстоит иначе. Благодаря заботе и уходу хозяина, а также помощи ветеринара такая собака выживает и, если ее заболевание или порок не могут быть выявлены во время осмотра на ринге, может войти в племенной состав и, следовательно, передавать свою вредную для породы наследственность последующим поколениям. Как бороться с этими нежелательными явлениями? Только путем выбраковки (искусственного отбора) производителей, передающих такую наследственность. Для этого лица, ведущие племенную работу, обязаны знать не только родословную по кличкам собак, а и изучать те наследственные потенции, которые за этими кличками скрываются. У английских животноводов, давших миру множество превосходных пород животных, издавна существует правило: «Без знания кровей нет племенного дела».

У всех живых организмов, обладающих половым размножением, наследственные качества передаются от родителей к детям посредством мужских и женских половых клеток, сливающихся в одну в момент оплодотворения, дающую начало существованию новой особи. В этих клетках находятся материальные частицы, называемые генами, определяющие проявление тех или иных признаков у животного. Вся совокупность генов, находящихся в обращении в данном виде или популяции у диких животных и в виде или породе у домашних животных, носит название генофонда. Поскольку животное получает наследственность как от отца, так и от матери, каждый признак обеспечивается, как минимум, парой генов (по одному с каждой стороны, а часто и большим числом — полигенное наследование). Гены, определяющие ту или иную форму проявления одного и того же признака, носят название аллеломорфов, или аллелей, и, в свою очередь, могут варьировать в численности, выстраиваясь в цепочку по принципу подавления одного аллеломорфного гена другим. Ген подавля-



щий носит название доминантного, ген подавляемый — рецессивного. При наличии доминантного гена, хотя бы одного из пары, признак проявляется всегда; для наличия признака, определяемого рецессивным геном, собаке необходимо получить их два: как от отца, так и от матери. Именно путем простого рецессивного наследования (3:1 в первом поколении) передается у собак неправильный прикус, который щенок может получить от внешне вполне благополучных отца и матери. Дело в том, что эти отец с матерью имели в своих наследственных задатках как доминантный ген правильного прикуса, обеспечивавший внешнее благополучие, так и рецессивный, выщепившийся у четверти потомства, то есть были гетерозиготными по гену неправильного прикуса. Собака, имеющая оба доминантных гена, неправильный прикус не передает.

У собак наблюдается много наследственных болезней и пороков (неправильный прикус, разные виды гемофилии, вертлужная дисплазия, заворот век, крипторхизм, летальные гены и др.), но они не обязательно присутствуют все у всех пород. У разных пород имеются разные наборы болезней и пороков, передающихся по наследству, поскольку каждая порода обладает своим собственным генофондом. Для племенной работы с породой не страшны пороки, определяемые доминантными генами, они сразу проявляются, сразу видны и легко поддаются выбраковке. Опасность представляют рецессивные гены и особенно комплексы с рецессивными генами, которые могут незаметно передаваться из поколения в поколение, а затем, если они были упущены из поля зрения, дать вспышку уродств. Зарубежные кинологи давно уже поняли эту опасность, генетики изучают передачу подобных признаков, собаководы вырабатывают правила выбраковки. У нас, к сожалению, никто этим вопросом до сих пор серьезно не занимался, и этот пробел необходимо восполнять.

В настоящей статье мы рассмотрим наличие и передачу летальных, то есть вызывающих смертность, генов на конкретном примере. Имеются более чем

двадцатилетние наблюдения за породой шотландского сеттера в Москве (у собак много различных летальных генов, но далеко не все изучены). В 1986 г. в московской секции любителей шотландского сеттера произошли большие неприятности: сука Линда М-539/шс Чачина оценилась двумя щенками, из которых один был мертвым, вторая сука Гера Рукосуева родила одного щенка с открытой брюшной полостью, который, естественно, погиб, а третья — Кристина М-538/шс Сарычева — родила четырех щенков, из них одного мертвого (первая и третья суки являются однопометницами). Это при том, что суки у шотландских сеттеров отличаются завидной многоплодностью — рекорд породы составляет 17 щенков в одном помете. Все три суки были повязаны одним и тем же кобелем Адептом 1291/ш Воробьева. Были ли допущены ошибки в племенной работе? Да, были. Молодым непроверенным кобелем в течение нескольких месяцев были повязаны три молодые, тоже непроверенные по потомству суки. Это недопустимо. Молодых кобелей нужно развязывать на проверенных по потомству суках и не вязать с несколькими суками сразу. Вязки были произведены без учета происхождения собак и их линий наследственности. А было ли известно что-либо о такой наследственности? Да, этот вопрос неоднократно обсуждался в предыдущие годы на бюро секции, и племенной сектор должен был это учитывать.

Разберемся в истории вопроса. В 1968 г. пала за неделю до срока щенения Зорька М-17/шс, повязанная Тукаем 1057/ш. При вскрытии были обнаружены мертвые, уже в шерсти щенки. Вязка была близкородственной: Тукай был сыном Зорьки, то есть был произведен кровосмесительный инбридинг. Гибель суки насторожила, но определенно сказать было ничего нельзя, так как это могло быть и случайностью. Однако в следующие три года произошли еще три таких же гибели беременных сук. Две из них, Енка М-200/шс и Рада II 1111/ш, погибли от вязки с Джерри 1077/ш, Чана М-174/шс погибла после вязки с

Франт-Боем М-114/шс. Франт-Бой был сыном Зорьки М-17/шс, Чана — внучкой ее однопометницы Веги М-7/шс, Джери — сыном ее однопометницы Джильды 1019/ш, а Рада II — дочерью того же Тукая 1057/ш и внучкой самой Зорьки. После этих случаев стало ясно, что в породе имеет хождение рецессивный летальный ген (точнее, по характеру здесь имеет место полигенное наследование, но для простоты будет говорить о гене), внесенный в породу пометом от Телл-Каро IV 1022/ш и Рады 1011/ш, из которого происходили Зорька М-17/шс, Вега М-7/шс и Джильда 1019/ш (см. родословную схему).

По наблюдениям за дальнейшими поколениями гордонов стало ясно, что этот летальный ген может действовать на разных стадиях беременности: на ранних стадиях (в этом случае происходит рассасывание зародышей и сука остается пустой — наиболее благоприятный исход как для собаки, так и для породы); на поздних стадиях (в этом случае большие щенки гибнут и вместе с ними сука, если ей не сделано кесарево сечение, — исход, неблагоприятный для суки и благоприятный для породы, так как в этом случае выбывает производительница, несущая вредную наследственность); к моменту щенения (в этом случае рождается какое-то количество мертвых щенков, в живых остаются единичные или же рождаются один-два щенка всего, если добавочно имело место рассасывание на ранних стадиях, — исход, благоприятный для суки, но неблагоприятный для породы, так как оставшиеся в живых щенки несут летальный ген в следующие поколения).

Руководствуясь результатами вязок, в которых выявлялось действие летального гена, были прослежены родословные многих, участвовавших в них производителей, и подтвердилось, что все они восходят по своим генетическим (кровным) линиям к помету Телл-Каро IV 1022/ш — Рада 1011/ш, полученному в 1962 г. и изображенному на схеме, а также к непосредственным потомкам этих однопометников.

Поскольку ч. Рада 1011/ш, во-первых, отличалась многоплодностью (ей и принадлежит рекорд породы), во-вторых, у потомков от ее многочисленных вязок с другими кобелями никогда не наблюдалось действие летальных генов (пустые вязки могут иметь и другие причины), летальный ген явно внесен в породу введенным из Норвегии Телл-Каро IV 1022/ш и передан им по крайней мере пяти его потомкам (всего их было 10, из них шесть с неправильным прикусом).

Приведем еще несколько примеров. Учитывая ограниченность объема журнальной статьи, будем пользоваться формулами инбридинга, где левая сторона обозначает предков отца, правая — матери, а римские цифры — порядковое число поколения, в котором находится искомый предок.

В 1977 и 1978 гг. были получены четыре помета от Ринга 1202/ш (еще одна вязка оказалась пустой), из них три неблагоприятные: в одном было семь мертвых и два живых щенка (у суки Азы М-291/шс, отцом которой был Барон 1060/ш), во втором — пять мертвых и два живых (сука Чайка II 1141/ш, выжившая только потому, что ей было сделано кесарево сечение, отцом она имела Валь-



К вязкам можно допускать только собак со здоровой наследственностью. Шотландский сеттер Дон, владелец Ф. А. Самокатов.

Фото П. ЯРОВИЦКОГО

дара 1056/ш), в третьем — шесть мертвых и пять живых (у суки Геры М-365/шс в родословной имелись Зорька М-17/шс III—0 и Дорфа-Норге 1052/ш 0—II). Сам Ринг 1202/ш происходил по прямой линии от Зорьки М-17/шс через следующих собак: Тайга М-270/шс — Найда 1065/ш — Ярик 1059/ш (см. схему).

Дочь Ринга Деши 1230/ш оценилась в 1980 г. от Барона 1198/ш пятью щенками, из которых четыре были мертвыми. Барон идет от Джерри 1077/ш II—0 и Веги М-7/шс 0—IV. Единственный живой щенок из этого помета Диана 1295/ш Малиновского в 1985 г. дала помет из пяти щенков, которые будут распространять летальные гены дальше.

Вернемся к порочным вязкам последнего сезона. Адепт 1291/ш Воробьева происходит от Биля 1232/ш и Маги 1261/ш и инбридирован на Зорьку М-17/шс IV—V. Кроме того, у него в родословной имеются Джильда 1019/ш IV—0 и Вальдар 1056/ш 0—IV. Однопометницы Линда М-539/шс Чачина и Кристина М-538/шс Сарычева имеют не менее интересное происхождение. Они идут от Руслана 1265/ш Зазулина и Кэтрин 1287/ш Жилевой. Если у Кэтрин Зорька М-17/шс встречается в родословной только один раз 0—V, то у Руслана можно проследить несколько линий, ведущих к Телл-Каро IV 1022/ш. Первая: Руслан 1265/ш — Джим 1187/ш — Зевс-Карат 1137/ш — Тукай 1057/ш и т. д. Вторая: Джим 1187/ш — Лютра 1080/ш — Вега II 1033/ш и т. д. Третья: Руслан 1265/ш — Ресса 1210/ш — Райт 1139/ш и т. д. Таким образом, Руслан 1265/ш Зазулина ведет свое происхождение от трех детей Телл-Каро IV 1022/ш, передававших летальные гены. Можно, только удивляться тому, что племенной сектор Московской секции любителей шотландского сеттера считает, что кровей Телл-Каро IV 1022/ш в породе мало, а один из экспертов, судивший

породу два года подряд на Московских выставках, рекомендует в отчете о 55-й выставке 1985 г. сделать Руслана 1265/ш «лидером среди производителей». Щенки от рассматриваемых комбинаций (Адепт 1291/ш — с Линдой и Кристиной) инбридированы, следовательно, на Зорьку М-17/шс четырежды (I), не считая других детей Телл-Каро IV 1022/ш. Третья сука, от которой щенков, к счастью, не осталось, Гера Рукосуева, трижды инбридирована на Зорьку М-17/шс, дважды на Вегу М-7/шс, дважды на Джильду 1019/ш и имеет в родословной еще вдобавок Дорфу-Норге 1052/ш.

Какие выводы можно сделать из всего сказанного? Прежде всего владельцы поименованных здесь «действующих» сук должны иметь в виду, что при следующей вязке их собака может погибнуть. Второе: необходимо срочно выправлять положение в породе. Нужно выводить из племенного состава собак, показавших, что они имеют летальные гены (не взирая на их оценки и дипломы), и их выживших прямых потомков. Весьма желательно вывести из племенного состава однопометников собак, имеющих летальные гены, и их родителей, если они еще действуют как производители. Исключения можно делать лишь для тех собак, которые дали здоровое жизнеспособное потомство при вязке с другими производителями, заведомо не имеющими летальные гены, то есть доказали, что сами они летальных генов не несут. Эти рекомендации пригодны для борьбы с любыми дискриминирующими пороками, имеющими рецессивную наследственность, и давно применяются за рубежом.

После сдачи статьи в редакцию была произведена еще одна вязка Адепта 1291/ш Воробьева с Герой Нестерова. Результат плачевный: сука не могла разродиться, было кесарево сечение, все щенки оказались мертвыми.

ПЫЖ ДЛЯ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ГИЛЬЗЫ

Уже более 100 лет охотники бьются над проблемой закрепления дробового пыжа в металлической гильзе. Высказано множество предложений, написаны десятки статей и заметок на эту тему. На дробь рекомендовали ставить пробковые и картонные пыжи увеличенного диаметра, закреплять пыжи различными клеящими веществами, слегка обжимать дульца металлических гильз, вырезать в гильзах «лапки» («язычки-держатели») и прижимать ими пыж к дробовому снаряду и т. д., и т. п.

Но все это не является кардинальным решением вопроса, каждый способ имеет те или иные недостатки. Между тем выстрел из металлической гильзы (особенно при капсуле «Центро-

бой») дешев, почему эти гильзы до сих пор широко применяются на охоте, прежде всего промысловой. Поэтому так важен факт появления специальных дробовых пластмассовых пыжей для металлических гильз.

Редакция полагает, что необходимо в кратчайшие сроки наладить производство дробовых пластмассовых пыжей для металлических гильз всех калибров, принятых в СССР, то есть 32, 28, 20, 16, 12. При изготовлении пыжей неослабное внимание должно быть уделено строжайшему соблюдению их размеров, и прежде всего диаметра: достаточно небольшого его уменьшения — и дробовой снаряд будет высыпаться из гильзы.

**С. ШЕЙНИН, И. КОРНЕЙЧЕВ,
Н. КАМАЙКИН**

Металлическая гильза наиболее пригодна для многократного использования в различных климатических условиях.

Применяемый повсеместно картонный пыж при снаряжении металлической гильзы не исключает возможности высыпания дроби при транспортировке патронов или при стрельбе. При таком пыже пик кривой давления пороховых газов при выстреле смещается к дульному срезу ствола, в результате чего возрастает дульное давление пороховых газов, расстраивающее дробовой снаряд в начальный момент выстрела.

С целью совершенствования патрона с металлической гильзой был создан оригинальный пластмассовый пыж на дробь. Он удобен при снаряжении, исключает высыпание дроби, улучшает кучность стрельбы при необходимой скорости за счет стабилизации процесса форсирования в начальный момент выстрела.

Предлагаемый дробовой пыж для металлической гильзы, комплект изготовленных пыжей для гильз различных калибров, схема снаряженного патрона представлены на рис. 1—3.

При снаряжении патрона цилиндрическая часть пыжа вкладывается в гильзу и пыж доводится до соприкосновения со снарядом дроби. При этом расширяющаяся коническая боковая поверхность пыжа плотно прижимается к ее стенкам, надежно фиксируя дробь в исходном положении и создавая эффект форсирования при выстреле. Этому способствует и расклинивающее воздействие дроби на стенки нижней выемки. Дробовой снаряд и пыж движутся по каналу ствола как одно целое. После вылета из ствола легкий (по сравнению с дробовым снарядом) пыж вследствие воздействия аэродинамического сопротивления на верхнюю торцевую выемку испытывает торможение и отстает от дробового снаряда.

При использовании предлагаемого пыжа уменьшается дульное давление газов, что способствует повышению кучности стрельбы. Кроме того, упрощается снаряжение патрона и исключается высыпание дроби при транспортировке.

Пластмассовые дробовые пыжи были испытаны стрельбой патронами, снаряженными в металлические гильзы 12, 16,

20, 28 и 32 калибров. Одновременно для сравнения использовались такие же патроны, но с картонной дробовой прокладкой по ГОСТ 7838—75. Применялся капсуль-воспламенитель «Центробой», порох охотничий бездымный «Сокол», порох ШОТ-5 по ГОСТ 7837—76.

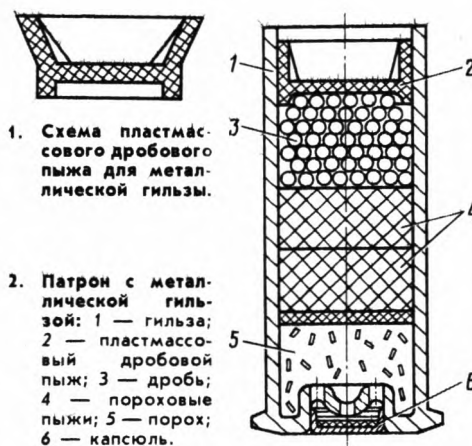
В процессе испытаний определялись

скорость полета дроби (V_{10}), максимальное давление пороховых газов в канале ствола ($P_{\text{д}}$), а также кучность стрельбы на дальности 35 м. Как показали испытания, разность между наибольшими и наименьшими значениями скоростей полета дроби примерно на 50—60 % больше у патронов с картонной прокладкой, чем у патронов с пластмассовым пыжом, обеспечивающим стабилизацию внутрибаллистического процесса.

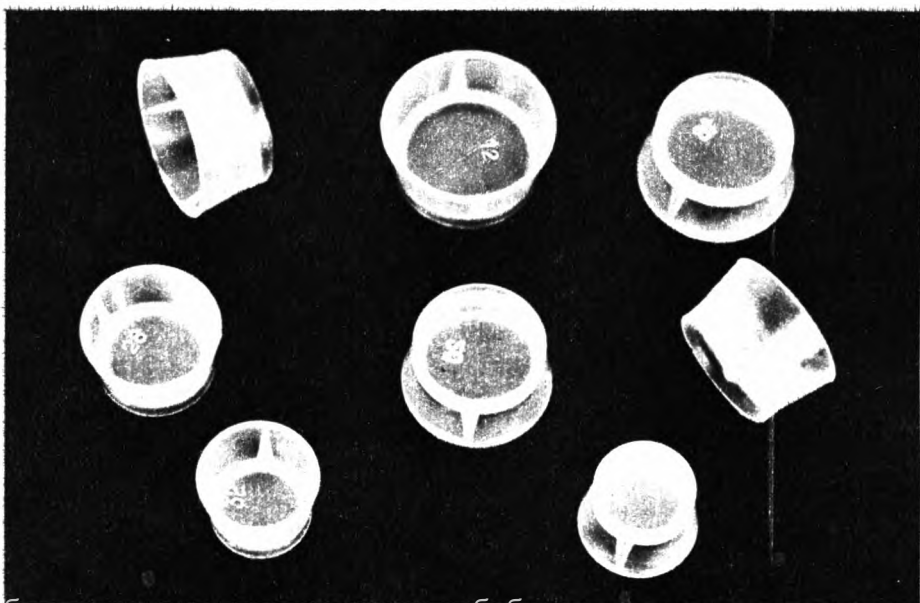
Проводилась проверка пластмассовых дробовых пыжей, чтобы выяснить, высыпается ли дробь при выстреле. Стрельба велась из охотничьих двухствольных ружей. При этом находящийся во втором стволе патрон при очередном выстреле из первого ствола не заменялся. В результате этих испытаний при восьми выстрелах из первого ствола снаряд дроби из второго ствола не высыпался (температура выдержки патронов +20 °С, +50 °С, —30 °С).

Наряду с основными испытаниями проверялась герметичность патронов с пластмассовым дробовым пыжом, которая оказалась очень хорошей.

Мы считаем, что коробки с металлическими гильзами должны комплектоваться и наборами пыжей.



3. Пластмассовые дробовые пыжи 12, 16, 20, 28, 32 калибров.



БЕЗДЫМНЫЕ ПОРОХА

«СОКОЛ» И «БАРС»

В редакцию нашего журнала поступило письмо следующего содержания:

«Просим вас ответить на вопросы, возникшие у наших охотников. Нас очень интересуют сравнительные характеристики порохов «Сокол» и «Барс», их применение в летний и зимний периоды.

От имени двадцати одного охотника г. Мерёфы Харьковской области

И. МАХАРИНСКИЙ,
егерь».

Редакция попросила ответить на письмо читателей специалиста отрасли. Публикуем полученный ответ.

У нас в стране выпускают два вида бездымного охотничьего пороха: пластинчатый «Сокол» и «Барс» сферического зёрнения (соответственно по ГОСТ 22781—77 и ТУ 84-720—77).

Порох «Сокол» изготавливают по трудоемкой вальцевой технологии, а порох «Барс» — по эмульсионной механизированной технологии с циклом изготовления в 3—4 раза короче, чем у пороха «Сокол».

Порох «Сокол» представляет собой пластинки со средней толщиной $0,13^{+0,01}_{-0,02}$ мм и длиной ребер $1,42 \pm 0,18$ мм. Порох «Барс» — зёрна эллипсоидно-сфероидной формы, имеющие средний диаметр зёрна $\approx 0,45$ мм.

Приемо-сдаточные испытания партий этих порохов на заводах-изготовителях производятся отстрелом в патронах 12 и 16 калибров. Для сборки патронов применяют: гильзы бумажные типа ОБЖ 12×70, ОБЖ 16×70; капсюль-воспламенитель типа «Жевело»; пыжи войлочные или древесно-волоконистые на порох; дробь № 6 диаметром 2,75 мм; прокладки картонные на дробь. Заделка патрона — завальцовкой.

При приемо-сдаточных испытаниях пороха по баллистическим показателям должны соответствовать требованиям и нормам, указанным в табл. 1.

Приведенные требования по пороху «Сокол» установлены со второй половины 1986 г.

Результаты испытаний конкретных партий порохов «Сокол» и «Барс» выпуска 1985 г. в вышеприведенных патронах (с войлочным пыжом) 12 калибра, выдержанных в течение четырех часов при температурах +20, +40 и -40 °С, представлены в табл. 2.

Из опыта испытаний порохов можно предложить ориентировочную зависимость: изменение веса порохового заряда на 0,1 г изменяет величину скорости дробового снаряда примерно на 7—10 м/с и давление на 50—80 кгс/см².

Порох «Сокол» и «Барс» имеют различную насыпную плотность, причем серийные партии пороха «Барс» могут значительно отличаться между собой по данному параметру. Поэтому заряд пороха «Барс» должен браться на весах, а не объемным способом.

Для повышения полноты сгорания пороха «Барс» можно рекомендовать усиление завальцовки дробового патрона.

И. ПУГАЧ,
инженер-конструктор

Таблица 1

БАЛЛИСТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ БЕЗДЫМНЫХ ПОРОХОВ «СОКОЛ» И «БАРС»

Наименование показателей	«Сокол»						«Барс»		
	12 калибр		16 калибр		20 калибр		12 ка- либр	16 ка- либр	20 ка- либр
	в. с.	п. с.	в. с.	п. с.	в. с.	п. с.			
Вес порохового заряда, г, не бо- лее	2,3	2,3	2,1	2,1	1,9	1,9	2,6	2,2	2,0
Вес дроби № 6, г	35		30		25		35	30	25
Средняя скорость дробового снаря- да на расстоянии 10 м от дуль- ного среза, м/с, не менее	320	315	320	315	320	315	320	320	320
Давление пороховых газов в пат- роннике, кгс/см ² :									
среднее	630	630	680	600	730	650	650	700	750
наибольшее	680	632	730	690	780	747	700	750	800
Насыпная плотность, кг/л	0,510						Не менее 0,650 по ТУ, в производстве 0,96.		
Примечание. В. с.— высший сорт; п. с.— первый сорт.									

Таблица 2

РЕЗУЛЬТАТЫ ИСПЫТАНИЙ БЕЗДЫМНЫХ ПОРОХОВ «СОКОЛ» И «БАРС»

Наименование показателей	«Сокол»			«Барс»		
	+20	+40	-40	+20	+40	-40
Вес заряда, г	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5
Средняя скорость из 10 выстрелов, м/с	332	345	304	335	342	304
Среднее давление из 10 выстрелов, кг/см	634	710	400	733	814	517
Изменение скорости от температур, %	—	+3,9	-8,5	—	+2,1	-9,3

ЖУРНАЛУ ОТВЕЧАЮТ

ЛЫЖИ ДЛЯ ОХОТНИКОВ

Читатель А. А. Минич (пос. Городище Брестской обл., БССР) спрашивает: какие типы лыж выпускает Вологодская лыжная фабрика; какие лыжи подойдут ему, если его рост 172 см. По просьбе редакции на вопросы читателя отвечает директор предприятия.

Вологодская лыжная фабрика Росохотрыболовсоюза выпускает лыжи: «Лесные», длина — 1900 мм, ширина — 100 мм; лыжи «Тайга», длина — 1700, ширина — 160 мм; лыжи «Тайга», длина — 1500 мм, ширина — 160 мм; лыжи «Рыбак», длина — 1500 мм, ширина — 100 мм. Рост тов. Минича А. А. составляет 172 см, и если он охотник, то ему подойдут лыжи длиной 1700 мм, шириной 160 мм. Если же он рыбак, то лучше

всего подойдут лыжи «Рыбак» длиной 1500 мм, шириной 110 мм.

Заранее сообщаем, что лыжи через посылторг не высылаем.

Директор фабрики
А. ГРОШЕВ

КУДА ИСЧЕЗЛИ «ЖЕВЕЛО»!

В редакцию поступило письмо от читателя А. Г. Козлова (с. Макарья Кировской обл.), в котором он пишет: «С осени 1986 г. в нашем магазине «Охота» в г. Котельниче нет в продаже капсюлей «Жевело-М». Весной 1987 г. выдали с отметкой в охотбилете по 20 шт. капсюлей на охотника, а осенью — по 15 шт. В чем тут дело?»

Мы направили письмо А. Козлова в Кировское областное общество охотников и рыболовов, откуда получили следующий ответ:

Уважаемый т. Козлов А. Г.! Ваше письмо рассмотрено на оперативном совещании с торговыми работниками областного общества охотников и рыболовов. Вопрос, который вы поднимаете в письме о капсюле «Жевело», действительно стоит очень остро. Кировскому областному обществу охотников и рыболовов на 1987 г. было выделено капсюлем «Жевело» 800 тыс. шт., Котельническому межрайонному обществу выделено «Жевело» 116 пачек по 300 штук, то есть 34,8 тыс. шт. на 1236 членов общества охотников и рыболовов. Больше выделить капсюлей «Жевело» не представлялось возможным, так как Росохотрыболовсоюз на наши запросы фонды не увеличил. На 1988 г. выделено 800 тыс. шт., а нам нужно 4 млн на 25 тыс. охотников области. Что нам ответит Росохотрыболовсоюз?

Председатель правления
областного общества
Е. БРАТУХИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

РОДОМ
ИЗ
ЛЕБЕДЯНИ

Умные, пронизанные зорким взглядом строки появлялись из-под его пера. Замятин — знаток российской глубинки, ее языка и нравов. В 30-летнем возрасте, уже известный читающей публике нашумевшими повестями писатель, так скажет о себе: «Учился я языку в Тамбовской губернии, в городе Лебедяни, а учительницей была всего больше бабушка: присказок и присух всяких знала множество». Это та самая Лебедянь, о которой проныковенно писали Жихарев, Загоскин и Тургенев, город яблок, ярмарок и благочестия.

Тонкий стилист, Замятин оставил интереснейшие зарисовки разнообразного состояния родной природы. Экологические строки рассыпаны, по существу, во всех его произведениях, есть они и в романе «Мы». Но особенно богато ими оснащены повести «Север» и «Ела», посвященные русскому Заполярью. Здесь даже отображены сцены охоты в тундре и лова сельди в северных водах.

Евгений Иванович Замятин родился 20 января (1 февраля) 1884 года в городе Лебедяни Тамбовской губернии (теперь Липецкая область) в семье священника. С 1893 по 1896 год учился в Лебедянской прогимназии, затем — в Воронежской гимназии, которую окончил с золотой медалью в 1902 году. В том же году поступил в Петербургский политехнический институт на кораблестроительный факультет. Во время студенческой практики совершал длительные путешествия по России и за ее пределами. Летом 1905 года он — в плавании Одесса — Александрия с остановкой во многих портах Европы и Среднего Востока. По возвращении в Одессу стал свидетелем восстания на броненосце «Потемкин», о чем позже рассказал в очерке «Три дня».

В те годы Замятин придерживался революционных взглядов. С 1903 года он активный участник политических демонстраций в Петербурге. Несколько позже становится членом РСДРП, а осенью 1905 года Евгений Иванович — большевистский агитатор среди рабочих на Выборгской стороне. Революцию 1905—1907 годов встретил восторженно. В письме (1906 г.) Людмиле Николаевне Усовой (впоследствии жена писателя) Замятин признавался: «Революция так хорошо встряхнула меня. Чувствовалось, что есть что-то сильное, огромное, гордое — как смерч, поднимающий голову к небу, — ради чего стоит жить. Да ведь это почти счастье!»



Евгений Иванович Замятин. 1925 год.

После ареста на одной из сходов — одиночное заключение на Шпалерной. Весной 1906 года хлопотами матери освобожден из тюрьмы. Пробыв недолго в Лебедяни, Замятин летом того же года нелегально возвратился в Петербург.

ГЛАЗА

Е. ЗАМЯТИН

— Ты — собака.

Шелушивый тулуп был, быть может, белый. На хвосте в обвислых патлах навек засели репы. Одно ухо-лопух вывернуто наизнанку, и нет сноровки даже наладить ухо.

У тебя нету слов: ты можешь только визжать, когда бьют; до хрипу брехать, когда велит хозяин; и выть по ночам на зеленый горький месяц.

Но глаза... зачем у тебя такие прекрасные глаза? Поднимаешь глаза вверх, глядишь глазами в самое мое нутряное нутро, мы говорим глазами в глаза, и я знаю: ты — древняя, мудрая, мудрее нас. Быть может, ты некогда была человеком, и ты им будешь вновь. Но когда же ты будешь?

Седой хозяин держал тебя на цепи, в грязной конуре. Ты лала помой из грязной черепушки. Ты грызла хозяйские оглодки. И ты ретиво стерегла хозяйское добро.

Помнишь: жаркий день, тарантас посеред двора, навалили ковры, самовары — и уехали. Ты ждала. Разгуливала по двору красноухая клюшка, поглядывала одним глазом на коршуну вверх, собирала индюшат под крылья. Накрыла конуру тень от водовозки: тарантас все не возвращался. И помнишь: наутро ты вцепилась в красноухого индюшонка, схрюпала мигом — и только одни белые, обрызганные красным перья у конуры.

И как потом плеткой-двуххвосткой хлестал по глазам хозяин. Совсем близко была его налитая, в седых кустах морда, но ты не вцепилась: ведь это был хозяин. И только из глаз точились тихие собачьи слезы, пролагали желтые желобки от углов глаз к носу.

А наутро — помнишь? — прижавши морду к земле и засунув хвост между ног, ты по грязи ползла хозяину навстречу, вилая задом, ты лизала хозяину руку. И когда милостиво потрепали по загривку — ты радостно повалилась на спину — прощена! — ты щурилась и дыгала ногами, ты звенела цепью и наружу вывалила весь свой срам.

От одной с собачьим месивом черепушки до другой — ты меряла время. От жарыни желтел на дворе просвирник. Солнце — огненный пес, распялив красную пасть, — пыхало пылом прямо в тебя. Не в силах скинуть шелудивую шубу — ты задыхалась, у своей конуры лежала как мертвая, и только жил, ходил ходуном высунутый наружу язык.

Но пришел во двор — ты помнишь? — щуплый прыщавый человеческий щенок. Ты забыла все, ты вздыбилась на дыбы — душил ожерелок — хрипела и бешено, с пеной, лаяла; прыщавый был чужой, был хозяину недруг, хоть вместе с хозяином заглядывал он в курник, в выход, в каретный сарай.

Больше ты не видела седого хозяина: он непонятно исчез, как вечерами непонятно для тебя исчезало солнце за каретным сараем. Утром — помнишь? — тебе принес черепушку уже тот, прыщавый; в черепушке был кус тухлого мяса. С урчанием ты поглотила мясо и, волоча брюхо в пыли, по-червиному ползла ему навстречу и лизала ему руки — тому самому, на кого вчера бешено брызгала пеной: ведь это он, прыщавый, он, великий, повелевал теперь черепушкой. И не все ли равно, кто тобою владеет? Была бы поганая черепушка полна.

Твой новый хозяин был затейщик. Вечера — ты помнишь? Пахло из закуты парным молоком, шуршали, примацивались на нашесте куры, а тебя дразнили огрызком сахара и кричали: «Служи!» Как к небу — к слюнявому огрызку сахара — ты поднимала глаза, свои человечески глаза, и, звеня цепью, неуклюже плясала на задних лапах — из-за слюнявого огрызка сахара. Ты помнишь вечера? На варке богомольно вздыхала корова, хрустела сладкой свекольной ботвой. А тебя для потехи спускали с цепи, травили тебя на кошку: ату ее! И однажды — ты помнишь, ты никогда не забудешь: кошка увязла в щели под забором, раз! — прыжок — и ты, урча, уже мотала головой, рвала и вгрызалась в кошкино брюхо, а прыщавый гоготал, и какакали в курнике возбужденные гуси, индюшки и куры. А потом, усталая, у входа в конуру, ты звенела цепью и сосала слюнявый огрызок сахара. Но глаза были зажмурены, чтоб не видно было, что они похожи на человечески, и всю ночь ты вздыхала: о чем вздыхала?

От черепушки до черепушки ты меряла время. Твой собачий мир — конуру, водовозку и каретный сарай — накрыло серым, сырым веретем — осенним небом: ты мокла покорно. Вылезало солнце, в трех багровых студеньях кругах — багровое, как кровь загрызенной кошки: ты тряской тряслась от стыда.

затем перебрался в Гельсингфорс, где оказался свидетелем свабургского восстания. После этого — снова Петербург, нелегальное положение, учеба в Политехническом, который окончил в 1906 году. Получив специальность морского инженера, Е. И. Замятин был оставлен при кафедре корабельной архитектуры для научной работы. С 1911 года он преподавал курс корабельной архитектуры.

Литературный дебют Замятина — рассказ «Один» (напечатан в журнале «Образование» осенью 1908 года). Затем публикации ряда специальных статей в журналах «Теплоход» и «Русское судоходство». В 1911 году в Лохте, под Петербургом, Замятин пишет повесть «Уездное», которая увидела свет в пятой книжке журнала «Заветы» за 1913 год. Эта повесть привлекла к молодому автору внимание литературной общественности и вызвала многочисленные похвальные отзывы в периодике тех лет. В 1914 году Е. И. Замятин поместил в третьем номере «Заветов» новую повесть — «На куличках». Сатирическая злободневность произведения оказалась настолько острой, что цензура конфисковала отпечатанный номер журнала, предав автора суду. Решением Петербургского окружного суда Замятин был выслан на Север, в Кемь.

В 1914—1915 годы Евгений Иванович публикует в «Ежемесячном журнале», в «Русской мысли» и «Современнике» несколько своих рассказов и рецензий, поддерживает связь с «заветинцами» — М. М. Пришвиным, А. М. Ремизовым и др.

В марте 1916 года Замятин уехал в Англию для работы на судостроительных заводах Глазго, Нью-Кастле и Сандерленде. Под его руководством построен один из самых крупных русских ледоколов «Александр Невский». В Англии Евгений Иванович написал «Островитян» — тонкую сатиру на английский быт.

После Февральской революции, в сентябре 1917 года, Замятин возвратился в Россию, деятельно включился в литературную жизнь Петрограда. Он входит в коллегию экспертов «Всемирной литературы», редактирует сочинения Г. Уэллса, Дж. Лондона и др. Несколько позднее становится одним из руководителей издательства «Алконост» и «Эпоха», издает с группой писателей альманах «Дом Искусств», а впоследствии — журналы «Русский современник» и «Современный запад». В 1920 году Замятин пишет рассказ «Пещера» (помещен в пятом номере «Записок мечтателей» за 1922 год) и роман «Мы», в которых гротескно нарисованы переживания периода военного коммунизма и связанные с этим представления о будущем. В 20-е годы Замятин создает немало рассказов и пьес («Огни св. Доминика», «Общество почетных звонярей», «Блоха», «Атилла»), публикует литературно-теоретические статьи, в которых утверждает принципы неореализма.

В 1927 году в издательстве «Круг» вышла книга Замятина «Нечестивые рассказы», в которой были собраны новейшие его работы. Через два года издательство «Федерация» выпустило собра-

ние сочинений в четырех томах, куда вошло не менее 50 его произведений.

В 1929 году «Воля России», эмигрантский журнал в Праге, без согласия автора продолжил печатать роман «Мы» (в обратном переводе с английского). Последовали резкие обвинения по адресу писателя. Сложная обстановка вынудила Евгения Замятина просить о временном выезде за границу. При содействии А. М. Горького такое разрешение было дано, и в ноябре 1931 года писатель оказался вне пределов Родины. С февраля 1932 года и до конца своих дней Замятин жил в Париже на положении советского гражданина. Там он вел себя принципиально и независимо, в эмигрантской прессе не печатался, охотно встречался с советскими деятелями культуры, приезжавшими во Францию, сочувственно относился ко всему, что делалось в его родной стране. В 1935 году Е. И. Замятин вместе с советскими делегатами участвовал в работе антифашистского Конгресса в защиту культуры. Он гневно осудил членов неонацистскую идеологию нацизма, твердо оставаясь на позициях гуманизма и прогресса.

Умер Е. И. Замятин 10 марта 1937 года. Похоронен на кладбище Тие в предместье Парижа. Его произведения переведены на многие языки народов мира.

Рассказ «Глаза», публикуемый ниже, написан Замятым в 1917 году, а напечатан годом позже в газете «Новая жизнь», выходившей под редакцией А. М. Горького.

А. СТРИЖЕВ



Ты покорно таскала сосульки на шубе; кололи, лечь было нельзя — ты покорно таскала, пока сами собой не растопились сосульки, пока юркие, как язычки, не зажурчали ручьи, не поволокли навозные комья вон со двора. Своими глазами — человечими — ты глядела весь день на солнце, за солнцем ходила кругом конуры — ходила весь день, звенела ржавой цепью. И закрутилась, запуталась вокруг шеи, ты рванула — и лопнула цепь.

Секунду стояла остолбенело — и эх! — взвилась. Через забор, по талым сугробам, с мокрым брюхом — пар валом валит — ты носилась, пьяная от солнца, от воли, от чуть приметного парного курева земли из-под снега. И где-то под голым, черным еще переплетом сирени на синем небе, где-то ночью в проулке, на кучах теплой золы, среди пьяных весною и волей...

Черепушки не было, нечем было измерить время: может — день, может — месяц. Но это не был день: уж слишком жестоко голод закорючивал в брюхе кишки.

И ты помнишь: ветер с духом горьких сиреневых почек, на заборе — взгальный галочий гам. Облезлым боком ты вжималась в самый мокрый забор и, засунув хвост между ног, плелась, селамы. Оборванная цепь лязгала по земи.

На дворе — огарнули тебя с гоготаньем: ага-а! Ты легла у старой конуры и подставила шею. Прыщавый напаял на тебя новый сверкающий ожерелок — с веселым, звонким бубенчиком — и новую цепь. К морде пододвинули черепушку — в ней громадный кус тухлого мяса. И помнишь? — ты лопала, ты жрала, ты трескала — пока не раздулась.

Прыщавый милостиво потрепал тебя по загривку, ты повалилась на спину и задрыгала всеми четырьмя ногами, позванивая цепью и веселым бубенчиком на ожерелке. Ты лизала руки хозяину. Ты налопалась до отвала — и что тебе цепь? Ведь ты — дворняга.

У тебя нету слов. Ты только можешь визжать, когда бьют; с хрипом грызть, кого прикажет хозяин; и выть по ночам на горький, зеленый месяц.

Но зачем же у тебя такие прекрасные глаза? И в глазах, на дне — такая человечья грустная мудрость?

Е. И. Замятин и его сестра Александра Ивановна. Лебедянь, 1911 год. Фото из коллекции А. Н. Стрижева. Публикуются впервые.



СТАРЫЕ ВЕЩИ

Борис ПЕТРОВ

На выходной я никуда не поехал. Приближался охотничий сезон, и надо было уделить день, чтобы разобраться с имуществом: все пересмотреть, доброе отложить, подносящемуся определить ремонт, а что-то — и вовсе в отставку. Так сказать, годовой смотр всему хозяйству. Расчистил посреди комнаты свободное пространство и принялся извлекать из кладовки, задверных углов и поддиванья рюкзаки, сапоги, топоры и палатки, примусы и фонарики, резиновые чучела, ложки-кружки, фотоаппаратуру и разную одежду. Через полчаса я стоял посреди живописного базара, заложив руки за спину, нахмурившись и задумчиво покачиваясь с носков на пятки. Ничего себе, сколько добра! И все нужно, без любой мелочи не обойтись.

Бывает, закончишь охоту, пора собираться домой. Также так разложишься на поляне — даже страшновато станет: неужели унесу? Тут в добрый колхозный мешок не затолкаешь... Но глаза боятся, а руки делают: постепенно вещь за вещь прячешь в утробу рюкзака; он расправляется, напрягается изнутри, как будто накачивают футбольный мяч, а поляна вокруг пустеет. Все?.. Ага, вон веревочка в траве чуть не потерялась — ничего, и ей найдем место, в кармашек ее. Теперь — все. Груз — будто валун! Взяли, пошевелили спиной: удобно ли уселся выюк. Осмотрелся в последний раз: ничего не оставил? Все свое ношу с собой... Двинули!

Так стоял я посреди комнаты в окружении живописного хлама и размышлял: с чего начать? Взгляд скользил с предмета на предмет. Чучела можно пока не трогать — ближе к осеннему пролету их подкрашу, а то и так сойдут. Топоры как бы не пришлось ладить новое, но это целая история, на весь вечер работы. Я наклонился и поднял с полу котелок.

Надо пояснить, что у меня их несколько. Есть побольше — на троих-четверых, когда собираем² компанией (магазинный алюминиевый казанок с крышкой); есть маленький, сделанный на заказ из

тонкой нержавеющей — ему век износу не будет; а вот этот... Непосвященный не догадается: котелочек-то — медный! Он достался мне от папани. Еще помню, на посудине сией под верхней кромкой было выбито клеймо и в середине дата: «1913 г.» (теперь то ли стерлось, то ли затянуло от времени). Помят, конечно, котелочек, дно выпучилось, луженые стенки внутри окинуло тусклым налетом. Дужка из гнезда выскакивает — расшмыгалось гнездо. Только представить: появился на свет, когда в мире еще не было засилья алюминия. Даже говорили: служить тебе, браток, как медному солдатскому котелку! То есть конца не видать, да-а... Прямо-таки из фольклорно-былинных времен вещичка. Давно бы пора его заново полудить и переклепать дужку, да все некогда. Каждый год вот так поддержку в руке, подумаю...

Сколько у меня этого походного имущества!.. А как иначе? Примусов накопилось аж четыре: керосиновый, два на бензине и еще на сухом горючем. Признаться, один из бензиновых не обязателен, но так сложилось: выпустили более совершенную модель — что же маяться с допотопной техникой? Купил новый... Жена подшучивает: «Гони до десятка — для круглого счета!» Как ей объяснить, что не примитивная страсть накопительства движет мною, а лишь практические соображения?

— Напрасно остришь, — трезво отвечаю я. — Хочешь, чтобы, как Вадим Степанович, ужинал, черпая кружкой из реки холодную воду, спал прямо на земле, завернувшись в грязную телогрейку? Как бродяга с Сахалина. А потом простудился и заболел, да?

— Нет, почему же...

Грешен, люблю свои охотничьи вещи. Они должны быть у человека, без вещей в жизни плохо. Создают удобства, сохраняют от холода, спасают от голода, обеспечивают покой. Вещи — это часть нашей жизни. У меня есть приятель (тот самый Вадим Степанович), который ездит на охоту совсем без котелка. Ему, видите ли, «процесс» важен. То есть именно «производственный» процесс — выжидание, выпугивание и стрельба. Но разве охота только в стрельбе? А сборы, дорога

до места, ночлег у костра?... Как-то увидел в моей квартире охотничье оборудование — будто крыльями всплеснул:

— Ну и добра! Куркуль ты, а не охотник. Раскулачивать пора.

Сам перед каждой поездкой мечется по знакомым, язык за плечами: у одного кланчит спиннинг, у другого старенький рюкзакишко. Не понимаю... Гольфаба безлошадная! Как можно всю жизнь бродить по тайгам и не иметь доброго топора? Это безалаберность или хитрый расчет — пусть дурные таскают для него топоры да котелки. Деловой мужик... В прошлом году мы на открытие сезона проехали компанией два дня, дождь заградил — так и не успели сварить охотничий шулом да поговорить у костра, как требуют обычай и душа. К вечеру выходного воротились домой, и погода как раз наладилась... А! Что мы, как нелюди, — у костерка не потолкавали, кто кого и за что уважает не выяснили? Взяли да и развели теплинку на пустыре за гаражами, щепочек и хлама вокруг насобирали. Вовсе разошлись — дичину ошпили, сварили. Наговорились — во! А деловой Вадим Степанович не остался, сразу умотал домой со своими утками. Зачем ему наша «экзотика»? Пострелял, добыл — чего еще...

Нет, не понимаю, как можно спать в спальнике, взятом на прокат, — словно пользоваться чужой зубной щеткой! Одно слово: чужие вещи.

Вещи имеют способность **входить** в нашу жизнь. Когда приносишь ее из магазина, новенькую, скрипучую, пахнущую лаком, нетерпеливо достаешь и начинаешь примеривать, прикидывать, воображать себя с нею на людях или в лесу. Дня два-три она не дает тебе покоя, напоминает о себе. Но потом постепенно отходит в сознании на следующий план и становится в ряд прочих вещей. Даже, пожалуй, в конце этого ряда: все-таки старые вещи — друзья более близкие тебе по душе, с ними сжилась. Со временем новая покупка, подобно, к примеру, обуви, обнашивается, обматывается, прилепает по тебе — становится доброй и, наконец, старой доброй вещью.

Некоторые из них уже, как говорится, в базарный день гроша ломаного не стоят. Но в том и секрет: мой и «рыночный» масштабы цен не совпадают. Старые добрые вещи больше не представляют «стоимостей», но остаются немалыми ценностями — лично для меня, конечно. Общественная их весомость улетучивается, остались только личностные не-весомости.

Дверь в комнату отворилась, на пороге появилась жена. Что-то хотела сказать, но увидела разбросанное по полу имущество, смолчала. Постояла, не утерпела — проговорила с улыбкой:

— Все в игрушки играешь... Обедать-то пойдешь?

Я только глянул на нее и поморщился. Она махнула рукой и, не произнеся больше ни слова, ушла (это у них с дочерью, кажется, «семейный» жест). В конце концов что объяснять? У нее свои такие же «игрушки» — мир ее вещей, столь же дорогих и щедрых на воспоминания. Я же не вmeshиваюсь. У них с дочерью тоже по две-три пары сапог. Да, кстати, что у нас с сапогами?

Сапоги мои того... Вообще-то они еще почти новые, чего ей сделается, этой резине. Вот прежде я нашивал сапоги кожаные, случайно купил в каком-то сельмаге. Эх, и сапоги были! Подошва тол-

стенная, «соковая», в три ряда прошита медными (чтоб не ржавели!) кручеными шпильками. Головки и голенница прочнейшие яловые. Перед каждым сезоном я умащивал их дегтем пополам с рыбьим жиром — и верха не промокали, и швы забухали. Сколько они отшатали по лесам-кустам, по траве-некоси и резучей осоке! Отходили свое сапоги, пришлось расстаться. Купил новые резиновые, да не лежит к ним душа. Казалось бы, и прочные, и не промокают — без забот сапоги! Да только... запаха настоящих сапог у них нету, поскрипывания на ходу нет. И безликие какие-то, стерильные. Полезно, да без красоты.

Немало я подметок износил — довелось походить. Помню, студентом жил в огромном городе, охота за десятки километров. В ночь идешь на вокзал, затемно приезжаешь на станцию (была у меня такая станция — Тургеневка). От нее до деревни, до мерцающих вдали огоньков километров пять за снеженной пашни — я их и за расстояние не считал. Перед рассветом мороз в снегах цепок и душит. А по всей деревне топились русские печи, и в каждом окне полыхало пожарище отсветов из печного чела, а из труб вился душистый кизячный дымок: Морозный рассвет заставал уже километрах в семи за деревней, в логах. Там были пустынные, в белом сне поля, и в вершинах логов смутно чернели заиндевевшие лесочки, на опушках которых ложились русаки, крутились лисицы. С рассветом начиналась моя охота — целый день на ногах. А когда зимний свет принимался меркнуть, надо было возвращаться на станцию.

И вот, бывало, начинаешь чувствовать, до чего сегодня уходишь... Ноги налились тяжестью, мороз к ночи распалился. К селу подходишь в темноте, на небе сияет луна и заливают снега мерцанием и темными тенями. За деревней далеко-далеко впереди — ох, длинны стали те же пять километров! — мерцают огоньки станции. Поезд уходил в девять вечера, а следующий шел только под утро. И приходилось до деревни до станции выжимать из себя последние силы, потому что времени всегда оставалось в обрез. Вон показался поезд далеко в полях односторонним паровозным светом. Я переставляю ноги из последних сил, и нет моей воли над ними, чтобы прибавить скорости хоть чуть-чуть... До того я нахаживался в своей Тургеневке, что просто до последней возможности. А через неделю опять тянуло туда же. Молодой был, сильный...

Однако что-то очень уж я рассиропился над этой кучей бывшего в употреблении барахла. День проходит, а дело почти не продвигается, надо действовать решительнее. Что у нас на очереди? Патронташ... Да, видок у него, как говорится, заслуженный. Залоснился, истрепался. Надо заново прошить петли под ремень, совсем сгнили нитки, вон уж и порвались. Придется чинить... Достают шило и толстую иглу, продаваю дратву. Руки свое делают, а перед глазами возникает далекая пора, когда я покупал этот патронташ. Закончил институт, уезжал по распределению и, отделяясь от родителя, заводил свою охоту. Кое-что отец мне выделит, остальное приобретал сам.

Патронташ, между прочим, он мне дал — старинный такой подсумок на широком ремне через плечо, а внутри ячейки. Я с тех пор похожих и не

встречал. Весь был истертый, заношенный, некоторые ячейки продырявились. Он казался мне старьем, вот и купил себе новенький из коричневой скрипучей кожи. М-да, а теперь и этот стал таким же старым и облезлым (но все еще остоно пахнет праностью кожи и поскрипывает на сгибах...). И стоимость его от проведенных со мной лет только возросла.

Паразитическими способностями наделены иные вещи — передавать ощущение минувшего времени, делать его зримым. Конечно, дурак я был, когда выбросил старинный подсумок — ведь вместе с той вещью отец передал мне в наследство и частицу своего мира. От него я перенял любовь к русской городской охоте с легавыми — по тетеревиным выводкам, на дупелей и вальдшнепов. Совсем был мальчишкой, когда папаша справил мне берданку двадцать восьмого калибра, но я никак не мог при нем выстрелить по дичи. Бредешь за отцовской спиной, а вылетит птица, так вскину ружье, но... жду выстрела.

— Чего не стреляешь? — ругался он. — Палка, что ли, в руках?

Годы прошли, и я уже заканчивал институт, однажды мы бродили по дупелиным высыпкам. Такое было обширное болото с кочками, гривками кустов и мочажинами, высыпки порой выдавались изумительные! И собака у нас была прекрасная работница. Из породы дратхаров, которые в те годы только-только появились, этакая лохматая рожа. А дупеля и бекаса знала, как отец выражался, «наизусть». И вот подает наша Лора со стоек одного долгоносика за другим, все на сухом, в окружении кустарника — трудно стрелять. Но я был молодой, острый, спортивный, реакция великолепная. Птица срывается из-под собаки и только мелькнет на мгновение — удар! Комком валится в траву, легко осыпаются блеклые листки задетого дробью куста. Я, улыбаясь, продуваю стволы, Лорка подает... На какой-то раз отец не вытерпел и воскликнул:

— Едрена корень, дай хоть раз выстрелить! — В голосе слышались смешанные чувства гордости, досады, зависти и радости.

Впрочем, порой так же лихо я и «мазал», образцово показательно, этих историй тоже сколько угодно на памяти. Руки трясутся, губы дрожат, в патронники никак не попадут... Чего ни случилось за столько лет. Между прочим особенно любил привезти букет из разнообразной дичи — такие охоты самые памятные. Осенний степной натюрморт: тяжелая кряква, сизые краснолапые горлянки, черная курица-лысуха и россыпь белобрюхих бекасов. Какой-нибудь заядлый стрелок скривится:

— Вот уж стоило ехать в Сибирь — стрелять бекасов!

Но как они украшают охотничий букет... И сама охота! Пришвин недаром заметил, что стрельба бекасов — из всех охот ближе всего к поэзии.

Однажды спрашивает молодой сосед по двору: куда собираетесь на выходной? Я ответил: пострелять дупелей.

— Фи, это такая птичка вроде летучей мыши, да? Или я их с пегасами путаю?

— С бекасами, а не с пегасами! — сердито поправил я.

Старые вещи... Гм, а вдруг мне теперь в новых резиновых сапогах и мысли будут являться другие? Может быть такое, а? По одежке не только встречают: вещи —

это мы сами. Они обладают неувимой способностью формировать и отражать в себе наш внутренний мир. Конечно, для меня главная их ценность — духовное наполнение: важно, что у человека за душой. Точнее, за вещью — в душе. Жить для вещей? Не понимаю... Когда я отправлялся в Сибирь, у меня в мыслях не было «длинных рублей!» Искать края непуганых птиц. И так сложилось, что с годами забирался все глубже на восток, пока к середине жизни не достиг Енисея. И понял, что дальше ехать смысла уже нет. К тому же оказалось, на Енисее земля удивительная: все здесь есть, что душе угодно.

Приехал я сюда после Тюмени — кое-что уже видел, не то что какой-нибудь сиделец с Арбата. И все-таки не ожидал того, что встретил под Красноярском. Никаких тебе угрюмых гор и таежных суровостей — милая родная Россия! Правда, синевы как-то в колорите больше. Поехали вскоре неподалеку, в деревню со старинным названием Погорелка — что за места! Пологие холмы, на них хлебные поля, сбегают в низины светлые березовые рощицы с зеленым ковром брусничника. Земляничные просеки, лесные покосы, осинового моложи. Самые для моей любимой тетеревиной охоты уголья. А хочешь — зайцев с гончей гоняй. И степи, настоящие степи есть, неоглядные, с полынью, золотыми хлебными и увалами в мареве. Надо только податься километров за двести на юг (что за расстояние для современной автомобильной езды!). Все в нашем крае есть.

Как-то забрались изрядно от города, преодолели две паромные переправы и оказались в таких краях, где... даже васильки растут на обочинах полевых дорог. От брошенной деревушки веяло деревенской избяной древностью, какие-то старинные лежали вокруг поля с осотом на межах и лазоревыми цветочками по обочинам. Это же детство мое лазоревое мне встретилось, милая Россия, страна голубых васильков! В центральных областях теперь, может, такой и не сыщешь... Вот, оказывается, за чем я ехал все дальше на восток, что искал на Енисее — а не заезженную таежную экзотику.

Я говорю, разумеется, о природе. Технический прогресс — это прекрасно, когда он вообще. Но если реки стали грязнее, леса реже и плешивее, с рыбой скуднее, перепелок совсем не слышать — чему же радоваться! Хотя бы оно все и величалося самыми «прогрессивными» словами. И вдруг — васильки на меже. А с ними — надежда, что сохранились вокруг жаворонки, перепелки и мои любимые тетерева.

Выходит, искал я, забираясь все дальше на восток, ту природу, которая досталась мне в годы юности на родине, ехал все дальше и все-таки сумел догнать и еще ухватить. Получилось, будто я нашел здесь свою вторую молодость. Как же не любить мне эту землю!..

Дверь в комнату который уж раз отворилась, и с порога снова заглянула жена. Окинула взглядом беспорядок на полу, покачала головой.

— Я думала, уже все прибрал, а ты... Ужинать пора!

— Ужинать? Это так поздно?... Ужинать, конечно, надо. Ладно, пошли. А потом я еще тут повоююсь...

Рисунком Б. ИГНАТЬЕВА

ВОРЧУН

В. ПАЖЕТНОВ

Мы знакомы уже семь лет. Я и крупный медведь, одетый в светло-бурую с рыжеватым подпалом на шее шубу. За сварливый нрав и способность негромко, но мощно реветь на людей я прозвал его Ворчуном. Знают его многие сотрудники заповедника, работники соседнего совхоза «Высоковский» и гости, заезжающие в наши места за грибами и ягодами. Знакомы с ним и сотрудники ВНИИ охраны природы — в свое время он и им учинил неприятности. Поведение этого медведя стало необычным после неудачной охоты городских охотников на одном из овсяных полей в урочище Березовка.

Как-то в заповедник поступило сообщение от егеря: в урочище Березовка в девять часов вечера два раза стреляли в районе овсяного поля. Егерь требовал срочного выезда представителей. Когда на следующее утро мы приехали на место, он рассказал, что после выстрелов осмотрел дорогу, единственную, по которой можно было проехать в Березовку, и обнаружил на ней свежие следы протекторов машины ГАЗ-69. Стрелять здесь могли только браконьеры. Оценив ситуацию, егерь пригласил с собой соседа, депутата местного сельского Совета, и они перекрыли дорогу у моста, в месте выхода проселка на основную дорогу, положив поперек проезжей части небольшое бревно. Вскоре появилась машина. Подпрыгивая на кочках, идя юзом по лужам, она приближалась на скорости, какую только мог держать на такой дороге шофер. Яркий свет фар высветил у дороги егеря в форме с поднятой рукой и крупного, средних лет мужчину. Машина взревела, прыгнула, взвизгнув рессорами, через бревно и, едва не сбив с ног егеря, проскочила через мост с выключенным светом, чтобы не было видно заднего номерного знака. Вырулив в потемках на дорогу, едва не завалившись в глубокий кювет, «газик» включил поисковую фару и помчался к городу. Искать нарушителей в городе было бессмысленно.

Тщательный осмотр полей в Березовке показал, что стреляли по медведю: на поле был обнаружен пыж, сорванная испугавшимся медведем стерня, а на одной из ветвистых берез на сучках лежали накрест две палки — здесь сидел стрелок. Под березой валялась папковая гильза 16 калибра. Обходя поле, мы обнаружили еще три «сижки» (так местные охотники называют лабаз) — значит, охотились четверо. Отпустив егеря домой, я занялся скрупулезным осмотром места стрельбы по медведю, троплением рванувшегося с поля в лес зверя. Вначале мне ничего не удалось обнаружить. Но уже в лесу в 50—100 метрах от поля с левой стороны, по ходу зверя, на траве появились следы крови. Я протропил подранка сколько мог. Зверь перешел

на спокойный шаг, кровь исчезла, и след его затерялся среди многочисленных троп. Зная, что медведь очень крепок на рану и может далеко уйти даже смертельно раненный, я не поленился съездить домой за собакой. Во второй половине дня она меня вывела на лежку зверя. До этого мы долго лазали по березовым колкам, перешли в глухой еловый лес, и я уже хотел отозвать пса, не будучи уверенным в том, что он ведет след медведя, как собака вся напружинилась, замерла на месте, прислушиваясь, а потом сильно потянула поводок. Я спустил пса с поводка — он рванулся вперед и гулко, зло залаял метрах в тридцати, у непроглядной стенки густых молодых елочек. Я подошел поближе и присел, пытаюсь что-нибудь рассмотреть, как вдруг оттуда раздался низкий, дребезжащий рык медведя. Много раз я слышал, как режут медведи, но, пожалуй, впервые по телу судорогой пробежал короткий страх — так необычен, грозен и в то же время таким укоряюще тоскливым оказался этот рык. Однако зверь из зарослей не появился, и я, подозревая, что он серьезно ранен и не может двигаться, стал подходить, держа ружье наготове. Собака, чувствуя поддержку, залаяла злее и начала подаваться в ельник. Внутри громко затрещало и было слышно, как зверь полз в сторону, противоположную от меня. Куртинка ельника оказалась небольшой, и я быстро обжег ее. Тяжелыми прыжками, нескладно разбрасывая ноги, из чащобы вывалил крупный медведь, глянул мельком в мою сторону и покотился меж деревьями, выхлывая всем телом, сопровождаемым наседавшим сзади псом.

Вскоре стих треск ломаемых зверем сучьев, потом пропал и лай собаки — медведь пошел далеко, значит, должен выжить. На мягкой, податливой почве вблизи лежки я отыскал медвежьи следы, измерил их, записал. Зверь чуть больше косопалит левой передней лапой; след был крупный — ширина передней лапы составляла 16 сантиметров. На лежке обнаружил немного крови, а медведь лежал плотно — не менял положения, значит, рана не была очень серьезной. Вот так состоялось наше знакомство, и я никак не мог предполагать, что еще много раз буду встречаться с этим медведем, а мой запах станет ему так же знаком, как мне его внешний вид и особенности поведения.

Прошел год, и в заповедник поступило сообщение, что в районе Березовки медведь ревел на грибников. Я приехал туда, нашел нарушителя спокойствия: ширина лапы 16 сантиметров, левая передняя косопалит чуть больше правой — прошлогодний подранок! Поработать думал в этом месте четыре дня, а задержался на целую неделю и обнаружил, что медведь очень широко ходит, навещает деревни Белейку, Высокое, Ковалево. Кормится одну-две ночи на одном поле, засаянном овсом, а потом идет на другое и так все время меняет места кормежки. На отдых он располагался, вопреки моим ожиданиям, не в густой чащобе леса, где было прохладней и куда все нормальные медведи в эту пору ходят на дневку, а выбирал светлые березовые колки, с редкими крупными деревьями, сквозь которые далеко было видно. Эта особенность стала причиной того, что уже в первую осень с ним столкнулось несколько человек, собиравших

грибы, и молва о рыжем медведе, который «страшно ревет на людей», быстро распространилась по округе. Тогда-то и получил он кличку Ворчун. В заповедник начали поступать сообщения о «страшном медведе», да и у меня не было уверенности в том, что Ворчун, в прошлом подранок, не натворит бед. Но вскоре пошли затяжные осенние дожди, заметно подкралась зима, и волнения улеглись сами собой.

Весна началась с того, что позвонили из деревни Высокое: какой-то медведь прошел через всю деревню рано утром, по ходу перевернул у домика ветработников пустую бочку из-под керосина, взбудоражил деревенских собак, рывкнул два раза и скрылся в ближайшем лесу.

В тот же день я был на месте происшествия. Целый день я тропил медведя. На вырубке, где его следы встречались повсеместно, я поставил палатку и стал в ней жить. Четыре дня то я ходил за медведем, то он подолгу ходил по моим следам, а рано утром на пятый день, когда я шел по старому волоку (по нему из делянки треляют лес, и дорога не зарастает), изучая следы на глинистой почве, мое внимание привлёк слабый, но четкий звук — как будто кто-то щелкнул языком. Я поднял голову и в десяти — двенадцати шагах, прямо перед собой увидел спокойно стоящего Ворчуна. Медведь не шевелился, только маленькие глазки недоверчиво и сердито сверлили меня, да толстый черный нос нервно подрагивал. Не знаю, почему, но я замер на месте, положив руку на шейку ружья, висевшего за спиной. С минуту мы в упор смотрели друг на друга, целую минуту, показавшуюся необыкновенно долгой. Зверь шумно, с перерывом вздохнул, медленно повернулся боком и, неслышно переступая лапами, высоко поднимая их при каждом шаге, плавно поплыл к густым зарослям ольшаника. Только вошел в них и сразу растаял. Я еще долго стоял на месте, пытаясь на слух определить, где же медведь, да так ничего и не услышал. Скорее всего, Ворчун вошел в чащу ольшаника и там остановился или лег, прислушиваясь, в свою очередь, меня. Я ушел.

Ночью у палатки ходил медведь. Утром по следам я узнал, что это был Ворчун.

В ту весну мы встречались еще четыре раза, но Ворчун близко меня не подпускал — постоял, рыкнет раз, другой и сойдет с дороги. А летом случилось невероятное. Четыре человека подрядились заготавливать дрова для совхоза «Высоковский». Несколькими днями благополучно отработали на отведенной под заготовку делянке, а потом перешли на новое место, и вот тут... едва вальщик запустил пилу «Дружба», как, перекрывая ее стрекот, в кустах заревел медведь. Вначале никто ничего не понял. Пилу заглушили, а рядом, в десятке шагов, вновь заревел медведь! Мужики оказались не робкого десятка, стали кричать и даже бросили в сторону медведя большой сук. Из чащи куста вылезла лохматая голова с рыжеватой шерстью и рывнула раскатыстым рыком — заготовителей как ветром сдуло. После удалось установить, что в этом месте зимой закопали павшую корову. Ворчун попробовал у скотного двора мяса. Понравилось. Потом отыскал зарытую корову, откопал ее и уже наполовину съел, когда пришли люди и помешали его



Рисунок Б. ИГНАТЬЕВА

трапезе. Как видно, без боя отдавать добычу он не собирался. Такое поведение медведя можно было рассматривать как серьезное предупреждение: у зверя пропал страх перед человеком.

А на следующий год Ворчун поистине разбушевался. Во время весенней охоты два сотрудника заповедника вышли на вальдшнепную тягу за урочищем Столовая. Вечером, после выстрела, к одному из них стал с ревом приближаться медведь. Охотник громко крикнул — и медведь остановился. Дабы избежать возможных неприятностей, сотрудники ушли с этого места. Потом стало известно, что вблизи лесопункта «Устинка» два охотника подверглись преследованию медведя во время охоты на глухаря. Медведь ходил за ними в сумерках и ревел. Охотникам пришлось уйти с тока, а на стане, где они ночевали у костра, обнаружилось, что в их отсутствие медведь в ключья изорвал рюкзак и разбросал угли костра, но ничего не утащил. Охота была испорчена.

Я стал готовиться к охоте на этого зверя. Мне было известно, что Ворчун, несмотря на все неприятности, которые ему причинили люди, регулярно ходит кормиться «на овсы». Есть медведи, которые на овсяные поля не ходят. Причины тому бывают разные. Чаще всего такой медведь попадал под выстрел, но оставался жить, только овсом уже больше не кормился. Бывают и иные причины. Например, не попал медведь в молодые годы на овсяные поля и не выработалась у него пищевая реакция на этот корм, вот и обходится тем, что найдет в лесу. И, нужно признаться, живет он в наших местах, в подзоне южной тайги, бездельно. А Ворчун «на овсы» ходил. Только вел себя предельно осторожно и часто менял поля — то на одном покормится, то на другом. Видно, никак ему было не обойтись без этого корма. Походил я по ближайшим полям, засеянному овсом, посмотрел медвежьи следы, определил подходы, тропы, наметил лучшие места, где можно было подкараулить Ворчуна, и, что называется, «сел» ему на след — где он появится, там и я. Четырнадцать дней мы играли друг с другом в прятки. Восемь раз я ждал Ворчуна, знал, что он должен был прийти ко мне сам. И он приходил. Постоит, походит вокруг, потом совсем уйдет, долго где-то пропадает и опять придет, сопит рядом. Как потом выяснилось, Ворчун уходил далеко, на самую дорогу, по которой я приходил к полю, и там искал мои следы. В том, что он искал именно мои следы, я убедился скоро.

На дороге оставались следы разных людей, прошедших и до меня и после меня (в иные дни я заходил на поле в три часа дня), но тропил Ворчун только мой след, а иногда и давил его своей мощной лапой, втирал в дорогу — ставил свою «следовую метку», оказывая тем самым моим следам особое внимание. А потом шел на поле, находил меня, как бы я ни сидел тихо и куда бы ни забрался, ревел своим низким, дребезжащим басом неожиданно рядом (подходил медведь неслышно) и демонстративно ломая сучья на своем пути, с треском уходил в лес, как бы показывая тем самым, что сегодня он выиграл соперничество. Я и сам не сразу понял, что мы стали соперниками — с одной стороны медведь и его жизнь, с другой стороны я и мой престиж охотника. Я начал менять тактику охоты и выиграл последнюю нашу встречу, чуть не ставшую роковой для медведя.

Все произошло до случайности странно. Я уже не садился у овсяного поля, признавшись себе, что «на овсах» проиграл поединок. Бросил также попытку скрадывать медведя на дневке — дважды мне это не удалось, в третий раз я не стал и пробовать. Теперь я вытрапливал медведя и старался определить его лаз к овсяному полю (сюда медведь подходил обычно в сумерках), садился в 100—150 метрах от поля у тропы, надеясь таким образом увидеть Ворчуна «на выстрел». Два вечера прошли впустую. Медведь приходил другой тропкой, но моих следов у овсяного поля не находил (я шел наперехват лесом) и не проявлял беспокойства. Утром я обнаруживал его кормовые площадки и, уверившись, что зверь ведет себя спокойно, терпеливо ждал вечера.

Зная нрав Ворчуна — не ходить долго одним и тем же местом, — я и на третий вечер засел у той же тропы, пристроившись на старом, полусгнившем пеньке. Едва смерклось, напротив меня, как раз на тропе, затрещали, защелкали сучки — кто-то быстро приближался. Вначале я подумал, что это бежит медведь. Но почему бежит? Если он испугался, то никак не может бежать из леса к полю. Потом я понял, что это идут кабаны. В тот же миг на тропе показался силуэт крупного секача. За ним в просветах березовых стволов мелькала еще одна темная горбатая тень. Тропа проходила справа, в двух шагах от моего пенька, но я решил не шевелиться. Когда между нами оставалось расстояние метра в три, кабан вдруг стал как вкопанный, только кончики торчком стоящих ушей чуть-чуть подрагивали. В тот же

момент замер и второй, шедший за секачом зверь. Несколько секунд напряженной, звенящей тишины. Вдруг кабан сильно дунул воздух через ноздри, заревел утробно, глухо, повернулся боком и неспешной рысью потрусил в сторону. Еще долго звери трещали в чащобе, секач несколько раз шумно ухал, а потом все стихло. Меня кабаны, конечно, не видели, но «схватили» мой запах и напугались. Взволнованный неожиданной встречей, я сидел, положив ружье на колени. После шума, произведенного кабанами, мне здесь было делать больше нечего. Я перелес предохранитель ружья и уже собрался вставать, как вдруг увидел на тропе темную, вихляющую из стороны в сторону тушу — прямо на меня шел Ворчун! Как можно спокойнее и медленнее я перенес ружье в плечо, навел стволы на светлый прогал в пятнадцати шагах прямо перед собой, дождался, когда медведь вышел в этот прогал, прицелился в основание шеи и плавно нажал спуск. Палец от напряжения даже хрустнул. Ружье на предохранителе. В следующее мгновение я толкнул предохранитель, и одновременно с моим движением подо мной предательски хрустнул, осел гнилой пенек. Этого было достаточно, чтобы Ворчун услышал. Громко охнув, он с места метнулся вбок, ломая молодняк, ядром прокатил через кусты и еще долго трещал вдали, удирая со всех ног. Медведь понял, что просчитался, впервые сильно испугался и, что называется, уходил напролом. Теперь он уйдет далеко и надолго спрячется. Это мне было ясно.

Я не выполнил своего задания — Ворчун остался жить. Кому расскажешь, чего иногда на охоте стоит случайность. Но в глубине души я остался доволен тем, что сумел перехитрить старого медведя, сумел подобрать к нему ключи, хоть и дорого мне это стоило: многие бессонные ночи, дождь и стылые утренники, короткие осенние дни, когда за светлое время суток не успеваешь вытропить зверя, отыскать его и все приходится начинать с нового утра.

ОХОТА В НИКАРАГУА

Ю. ЯЗАН,
директор ВНИИ охраны природы
и заповедного дела,
профессор
В. ЗИМАКОВ,
экономист

Благодатный климат Никарагуа, где круглый год температура воздуха практически не опускается ниже 20 °С, наличие тропических лесов, саванн, рек, ручьев, озер, лагун, обилие самого разнообразного корма и надежных укрытий создают идеальные условия для жизни диких животных. Еще испанские хроникеры времен колониальных завоеваний отмечали исключительное разнообразие многочисленной лесной, полевой, околотоводной и иной дичи.

Коренное население занималось в основном собирательством, промыслом зверей, птиц и других животных. Доныне, например, в горах Матагальпы используют древний индейский способ загонной охоты на крупных зверей с помощью собак.

Хлынувший в страну поток конкистадоров и других авантюристов положил начало хищническому истреблению всего живого, особенно в западной части страны, вблизи Тихоокеанского побережья, наиболее доступного для проникновения и освоения. Такой потребительский подход практиковался в течение нескольких веков. Своего апогея этот процесс достиг в первой половине текущего столетия, когда династия Сомосы способствовала стихийному развитию истребительной охоты, не сопровождавшейся ни природоохранными, ни воспроизводственными мероприятиями. Все это нанесло существенный урон фауне страны.

После победы национально-демократической революции в 1979 г. Сандинистский фронт национального освобождения и Правительство национального возрождения Никарагуа стали уделять

много внимания охране природы. В частности, был создан Никарагуанский институт природных ресурсов и окружающей среды (ИРЕНА), в ведении которого находятся сейчас все рычаги управления, организации, ведения и контроля охотничьих дел. Подготовлен и уже принят ряд законодательных актов (декретов) о создании охраняемых природных территорий, регулировании нормирования и сроков добычи ценных видов охотничьих животных, о чем уже рассказывалось в нашем журнале («Охота и охотничье хозяйство», 1987, № 2).

В должной мере наладить охрану, воспроизводство и использование объектов охоты пока, однако, не удается. Страна переживает труднейший период: сложная военно-политическая обстановка, необъявленная война, навязанная определенными кругами США, вооруженные действия банд контрас наносят существенный ущерб экономике страны и, конечно, ресурсам живой природы, подрывают охотничий потенциал наиболее богатых дичью департаментов Селая, Нуэва-Сеговия, Чонталес.

В число охотничьих животных в Никарагуа включены самые разнообразные звери, птицы, змеи и даже некоторые виды лягушек. Список этих животных огромен, однако их численность повсеместно подорвана.

В стране обитают белохвостые олени, пекари, в приатлантической сельве обычны центральноамериканские тапиры весом до 300 кг. Несмотря на то что тапиры везде редки, включены во Всемирную Красную книгу, индейцы по-прежнему подкармливают их у водоемов.

Поразительно, но совсем близко от столицы республики Манагуа, в двух-трех часах езды на автомобиле, обитают ягуары, пумы, оцелоты, койоты. Их немного, но они есть. В самой столице местами такие кролики, что в них находят прибежище королевские удавы, страшные гремушники (каскавелы), игуаны. Мы

называли этих пресмыкающихся потому, что на них охотятся, мясо употребляют в пищу, а из кож изготавливают сувениры для иностранцев: ремни, сумки, кошелки, обувь. Охотятся с той же целью на центральноамериканских крокодилов (говорят, есть экзempl. яры до 10 м длины), крокодиловых кайманов, морских и озерных черепах.

Пользуется большим спросом и мясо девятипоясного броненосца: оно — традиционный компонент многих блюд национальной кухни. Зверь этот распространен широко, но численность его стала очень низкой, промыслового значения он не имеет.

На открытых пространствах, в кустарниковых зарослях, у опушек леса обычны мексиканский заяц и флоридский жесткошерстный кролик. Охотятся на них с собаками и «самотопом» в вероятных местах лежек и кормежек. В тех же местах встречаются куропатки, очень мелкие — средние по размеру между нашей серой куропаткой и перепелом.

В понижениях микрорельефа, в заболоченных местах обитают довольно крупные грызуны, ближайшие родственники акклиматизированных у нас нутрий — агуты и пака.

В крупных массивах тропических лесов довольно обычные три-четыре вида обезьян; чаще других встречаются ревуны и белоплечие капуцины. Очень редки большая, средний (таманду) и карликовый муравьеды, двух- и трехпалые ленивцы. На них практически никто не охотится.

В дождевых и сухих листопадных тропических лесах много птиц, обычно очень ярких и крикливых, самых разных размеров, от огромных королевских грифов до колибри величиной со стрекозу. Среди этого многообразия видов и форм фоновыми являются попугаи. Звонкие перебранки стаяк амазонов и даже ар можно услышать и увидеть их на небольших отрезках любого маршрута. На этих красивых птиц обычно не охотятся, но их отлавливают для продажи. Особенно ценятся все виды ар; наиболее нарядный из них, красный ара, стал уже очень редок, так же как и желтоголовый амазон, способный пересказывать целые фразы человеческой речи на разных языках, а свистом воспроизводить мелодии.

А вот на туканов — арасари и изумрудного — тоже очень красивых птиц, охотно скупаемых любителями для содержания в неволе, еще и охотятся. Гурманы находят, что мясо этих птиц и нежно, и вкусно.

Из древесных кур наибольшей популярностью среди охотников пользуется большой гокко размером с индюка. Нерегулируемые промысловые нагрузки местами подорвали численность этих лесных птиц, так что в угодьях Тихоокеанского побережья, например, встретить их трудно.

Водоплавающие и околотоводные птицы повсеместно обычны, во время пролетов даже многочисленны. Гуси, утки, пастушки, кулики, цапли (особенно широко распространены малые белые цапли), кваквы — все это многообразие практически повседневно бывает объектом охоты.

Пресс охоты велик, большинство по-

В тропических лесах Никарагуа обитает много видов охотничьих животных.

Фото автора



пуляций ценных животных находятся в подавленном состоянии. Региональные клубы охотников, малочисленная егерская служба, действующие под руководством института ИРЕНА, с пониманием относятся к проблеме. По их совместному предложению в мае 1987 г. правительство республики приняло декрет о введении запрета на добычу всех видов охотничьей фауны в западной, примыкающей к Тихоокеанскому побережью части страны на неограниченный период времени — до заметного улучшения обстановки. Заметим, однако, что акция эта не столь эффективна, так как экономические трудности вынуждают население страны искать и находить в продукции охоты дополнительные продукты питания, подспорье в бюджете. А установить строгий заслон на пути браконьеров пока не удается.

Трудности еще и в том, что в республике официально не выделены охотничьи угодья, полностью отсутствуют охотхозяйства. Анализ данных учета и добычи диких животных проводится эпизодически, чаще эти данные вовсе отсутствуют. В стране практически нет охотоведов, да и специалистов средней или хотя бы какой-то квалификации в области охотничьего дела тоже немного. Между тем положение можно исправить созданием промысловых и спортивных охотничьих хозяйств, широким внедрением биотехнических мероприятий с целью заметного повышения плотности населения дичи, а местами и ее ассортимента. Условия для этого самые благоприятные.

Республика Никарагуа — развивающаяся страна с ограниченными материальными ресурсами и кризисными явлениями в экономике. Поднять охотничье дело в стране может помочь только комплексный подход при решении текущих задач, в основе которого должна лежать самоокупаемость создаваемых специализированных охотничьих хозяйств.

Есть определенные возможности для сотрудничества в этой области между советскими и никарагуанскими специалистами. Частично они уже реализуются. Результаты совместных работ в 1985 и 1987 гг. показали, что наряду с дальнейшим совершенствованием системы охраняемых природных территорий — заповедников и национальных парков, разработкой научно обоснованных природоохранных мероприятий, налицо большие резервы в деле организации охраны, воспроизводства и использования ресурсов охотничьих животных.

Обследование ряда природных территорий, в частности, позволило специалистам Никарагуа и СССР разработать технико-экономические предложения по созданию Национального центра по охране и рациональному использованию природных ресурсов в районе Момбача — Мекатепа — Сапатера. Рекомендованы меры по обеспечению рентабельности этого центра, охотустроительные и биотехнические мероприятия, места для лицензионного охотничьего туризма, питомники по разведению ценных видов диких животных.

Мы видим в этом начало возрождения в Никарагуа изобилия и разнообразия дичи, начало становления охотничьего хозяйства, рентабельного и рационального, а также восстановление возможности участвовать в уникальных охотах на уникальную дичь.

ЕВРОПА. В большинстве стран Европы последние бобры исчезли в XIX в. К началу нынешнего столетия в дельте Роны, в бассейнах Эльбы, Немана, Днепра и Дона, на западе Норвегии сохранилось в общей сложности около 2 тыс. бобров. С целью восстановления запасов этого зверя он был взят под охрану, в том числе в специальных заповедниках и заказниках; проводились реакклиматизационные мероприятия. Во Франции за 1952—1980 гг. 88 европейских бобров выпустили в 8 пунктах, в Швейцарии (1956—1978 гг.) 141 бобра интродуцировали в 19 пунктах, в ФРГ (1970—1981 гг.) 61 бобра — в 7 пунктах, в ГДР (1954—1973 гг.) — 31 бобра в 3 пунктах. В Польше реакклиматизацию бобра начали еще в 30—40-х гг., за 1975—1985 гг. 269 бобров интродуцировали в 14 регионах. В Норвегии бобров расселили в 1925—1965 гг., выпущено 40 особей, в Швеции в 1922—1939 гг. в 19 пунктах (80 особей), в Финляндии в 1936—1937 гг. в 3 пунктах (17 особей). В СССР за 1934—1964 гг. 6730 бобров выпущено в 324 пунктах (расселение продолжалось и после 1964 г.). Происходило естественное расселение животных из их коренных очагов и мест реакклиматизации. В настоящее время европейский бобр обитает в 10 странах Европы, его общая численность оценивается некоторыми учеными в 250 тыс. особей.

В Западной Европе прилетают на зимовку 250 тыс. белолобых гусей, 200 тыс. черных казарок, 150 тыс. гуменников. В долине Рейна в Северной Вестфалии (ФРГ) находятся традиционные места отдыха и кормежки этих птиц. Здесь на площади 25 тыс. га зимуют $\frac{1}{3}$ гуменников и $\frac{1}{5}$ белолобых гусей. 14 резерватов общей площадью 8 тыс. га, созданные на местах гусиных зимовок, имеют статус угодий международного значения.

БОЛГАРИЯ. Местообитания кабана в горных районах страны, расположенных выше 0,6 км над уровнем моря, составляют 1,93 млн га. Среднегодовая численность этого зверя за последние 10 лет равна 15,3 тыс. особей, средняя плотность населения — 7 особей на 1000 га леса (до 9 особей в горах Стара-Планина, Осоговека-Планина, Бела-сица, Средне-Гора). За год добывают в среднем 20 % весенней численности кабана, что гораздо меньше возможного. Оптимальная эксплуатация популяции позволит отстреливать ежегодно около 12 тыс. кабанов, преимущественно 1—2-летних (85 % добычи).

ГДР. В 1952 г. был принят специальный закон об охране и восстановлении численности эльбского бобра. Организовано 28 заповедников и более 80 заказников, проводилось расселение животных. В результате этих мер численность эльбского бобра увеличилась с 200 особей в 1952 г. до 1,2 тыс. в 1981 г.

ДАНИЯ. В стране увеличивается численность каменной куницы, о чем свидетельствует рост ее добычи: с 1 тыс. в начале 60-х до 6 тыс. в начале 80-х гг. Поселяясь поблизости от человека, этот хищник наносит ущерб хозяйству, в том числе повреждает теплоизоляционные прослойки в жилых домах. Ведутся поиски методов отпугивания каменных куниц от человеческого жилья.

АВСТРИЯ. В густонаселенном округе Каринтия, имеющем высокоразвитое хозяйство, обитает 5517 европейских оленей, 14 006 косуль, 2620 серн. Ведется интенсивная охота. Высокую и стабильную численность дичи поддерживают биотехническими мероприятиями.

США. У современного лесного хозяйства две основные цели: производство древесины и сохранение естественных биотопов. В 1976 г. был принят закон, в соответствии с которым Лесная служба США обязана поддерживать видовое разнообразие и численность позвоночных животных в эксплуатируемых лесах. В лесохозяйственные группы включают лесоводов и биологов, планирующих заготовки леса с наименьшим ущербом для фауны.

Траурный голубь — наиболее многочисленный вид дичи в США. Он гнездится в 48 штатах, его численность осенью оценивается в 350—600 млн особей. Охоту на траурного голубя (она ведется в 34 штатах) обычно открывают в сентябре. В ней участвуют до 2 млн человек, совершающих в течение сезона 11,4 млн охотничьих выездов. Объем ежегодной добычи достигает 49 млн птиц.

КАНАДА. Проведенные наблюдения показали, что в закисленных озерах, с повышенной — вследствие атмосферных выбросов находящихся поблизости медно-никелевых комбинатов — кислотностью воды погибает до 62 % выводков полярной гагары, на чистых озерах — лишь 14 %. Почти все выплывшиеся птенцы погибают от голода в связи с низкой кормностью закисленных водоемов.

АВСТРАЛИЯ. В Австралии ныне насчитывается свыше 2 млн диких коз — потомков домашних коз, завезенных некогда на этот континент европейцами. Они разрушают местную флору, оказывают отрицательное воздействие на фауну, наносят вред сельскому хозяйству. Ущерб, причиняемый дикими козами, частично компенсируется получаемой от них продукцией, в частности кашемировой шерстью, цена на которую в США достигает 110 долл. за 1 кг. Необходимы инвентаризация имеющихся популяций диких коз и их регулирование в соответствии с местными природными и экономическими условиями.

ТАНЗАНИЯ. Численность газели Томсона в национальном парке Серенгети за период 1970—1985 гг. снизилась с 660 тыс. до 250 тыс. особей, в основном вследствие хищничества, конкуренции и болезней. Увеличился пресс хищников — львов, гепардов, пятнистых гиен, леопардов (их численность за последние 20 лет значительно возросла). Отмечается межвидовая конкуренция с гну, которых также стало немного больше.

ЮЖНАЯ ГЕОРГИЯ (Южная Атлантика). На полуострове Бюзен интродуцировали северных оленей, отловленных в Норвегии: в 1911 г. — 10 голов, в 1912 г. — 5 и в 1925 г. — 7 голов. В начале 80-х гг. в популяцию насчитывалось 1550 животных.



НАШ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Дорогие товарищи!

Я хочу рассказать об энтузиазме охотничьего дела — председателе Северодвинского общества охотников и рыболовов Соснине Николае Павловиче. Ему уже 80 лет, а он твердо ведет хозяйство по пути интенсификации, внедряя все новое и передовое. За активную работу Николаю Павловичу еще в 1967 году присвоено звание «Почетный член Архангельского общества охотников и рыболовов». Не случайно, что производительность хозяйства за 1981—1985 гг. по сравнению с 1977—1981 гг. выросла в пять раз. Его энергия, целеустремленность и настойчивость в решении многих практических задач порой просто восхищают нас. В 1981 г. Н. П. Соснин избран председателем правления общества. Постоянная неудовлетворенность до-

стигнутым и стремление делать больше и лучше — одна из черт характера Николая Павловича. Добившись устойчивого выполнения плана по сдаче мяса лоса и пушнины государству, построив несколько охотбаз в угодьях, он планирует все новые и новые объекты. Благоустроена лодочная станция, построен круглый стэнд, где проводят областные соревнования. Сейчас хотим построить траншейный стэнд. В активе общества Николай Павлович Соснин числится с 1937 года, а с 1946 года — он член правления. Обладая большим партийным и трудовым стажем, Николай Павлович каждому охотнику даст всегда и во всем деловой совет. Мы поздравляем Николая Павловича с его 80-летием и желаем ему крепкого здоровья и успехов в работе.

Ю. ЛАВРОВ,
охотник
г. Северодвинск

ДЛЯ ОТВОДА ГЛАЗ!

Здравствуй, уважаемая редакция!

Обращаюсь к вам вторично. В моем родном селе Старая Басань Бобровицкого района Черниговской области еще осенью 1986 г. прорвало дамбу в самом большом пруду. Лишь в мае прошлого года дамбу засыпали песком и положили десять труб от оросительной системы для стока воды. Сделали все это лишь после того, как я написал письмо к вам в журнал и перечислил в помощь колхозу своих 50 рублей. И вот дамбу опять прорвало и воды в пруду почти не осталось, а общая площадь пруда не менее пяти гектаров.

В первом письме к вам я просил, чтобы колхоз построил шлюз или водосбросный колодец, на что собственно и ассигновал деньги. Но вместо того только засыпали дамбу песком и положили трубы, часть которых вообще не была присыпана, пока их не засыпали рыбки. Возле пруда на возвышенности расположен животноводческий комплекс, назыв от которого уже метрах в пяти от берега. Раньше такого никогда не было. Может, решили использовать пруд как отстойник?

Я понимаю, что колхозникам, может, и не до пруда, хлопот хватает и без него, но природу губить тоже нельзя. Думаю, что весной от родников и снега вода

снова наберется. Поэтому все равно надо делать водосбросное сооружение, а не засыпать песком лишь бы отчитаться. Помогите спасти пруд.

А. ШЕВЧЕНКО,
член УООР с 1973 года,
г. Киев

НЕ УНИЧТОЖАЙТЕ ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ!

Проблема, на которую я хочу обратить внимание, представляется мне очень важной. Ежегодно в МВД Киргизской ССР поступает 1,5—2 тыс. единиц огнестрельного оружия, изъятых или конфискованного за нарушение правил его регистрации и хранения. В соответствии с действующими инструкциями все это оружие посредством переплавки уничтожается.

На переплавку идут образцы, имеющие историческое и художественно-техническое значение. Речь идет об оружии, изготовленном русскими и зарубежными мастерами прошлого, о ружьях кустарного производства, а порой и об уникальных изделиях. Точно так же уничтожаются револьверы, пистолеты, холодное оружие всех марок и всех времен...

Но разумно ли так поступать? Ведь все это — потери необратимые. Конечно, для многих несведущих людей любое оружие, вплоть до кремневых ру-

жей (у нас и такие попадаются нередко!), — всего лишь внушающие подсознательный ужас орудия убийства. Они не видят и никогда не увидят в нем ни оригинальности технической мысли, ни изыска форм, ни тем более исторического и чисто познавательного значения. А ведь старое оружие — это частица нашей истории, и от этого никак не отмахнуться.

Необходимо отбирать самые интересные образцы и организовывать музеи оружия при обществах охотников, при МВД союзных республик. Да и в частные коллекции нет большого риска отдавать старинное оружие. Кстати, от продажи любителям такого рода экспонатов можно иметь и некоторую материальную выгоду.

В. ЯРЦЕВ,
инструктор пресс-группы МВД
Киргизской ССР, член Союза
журналистов СССР,
охотник-любитель
с 20-летним стажем

БУДЕМ ОХОТОВЕДАМИ

Пишут вам люди, обеспокоенные судьбой природы. Давно человек считает себя царем природы, но как часто он — тиран природы, губящий ее первозданную красоту! Можно ли перечислить реки, лишённые лесных берегов, которые сохнут и уходят в глубь земли, леса, не успевающие вырасти после пожаров и беспоощенной вырубкой? Неужели и воздух станет дефицитом?

Остановись, человек, посмотри, что ждет тебя! Опомнись, пока не поздно, и храни природу!

Я и моя подруга выбрали путь, достойный человека. Мы будем охотоведами, отдадим этому делу все силы и будем верны ему, пока бьются наши сердца. Жить для других — в этом мы видим счастье человека.

Хотя мы знаем, что письмо не будет напечатано, все же мы хотим, чтобы вы знали, что есть люди, которым небезразлична судьба природы.

Ученицы 10 «В» класса
Ирина КИЮЦИНА и Марина
ПРИГОРЕНКО
пос. Оротукан Магаданской
области

«ОРГАНИЗАТОРЫ»

В конце ноября 1987 года нам выдали спортивную лицензию на взрослого кабана. Вот как эта охота была организована.

Контролирующих лиц двое, один от госохотинспекции, второй от общества охотников. В течение месяца мы не смогли выехать на отстрел кабана. То лосей отстреливают, то кто-то из контролирующих не может поехать.

Все-таки в один день собрались, объединили две бригады в одну, у второй бригады была лицензия на кабана-сеголетка. Во время инструктажа нам

сказали, что одна бригада идет на номера, вторая — в загон. Бригада, у которой лицензия на сеголетка, стреляет только сеголетка. Нашей бригаде при отстреле все равно какого, большого или сеголетка, лицензия будет закрыта. Если же кто-нибудь из бригады, у которой лицензия на сеголетка, отстреляет взрослого кабана, то будет составлен протокол как на браконьерство.

Мы говорим контролирующим лицам, что если уж есть две лицензии, то не важно, кто отстреляет взрослого, кто сеголетка. Иначе может получиться, что на нашу бригаду выйдет сеголеток, а мы не будем стрелять, а на вторую бригаду — взрослый кабана, которого им нельзя будет стрелять. И будем мы ездить еще года два и не отстреляем. Нам это не разрешили, сказали, что надо знать правила охоты.

В конечном счете получилось, как мы и предполагали. Было сделано все, чтобы мы не отстреляли ни кабана, ни сеголетка. После этой охоты лицензию на сеголетка бригада сдала, отказалась от такого «удовольствия».

Это что, везде такой порядок? А если такая организация только в нашей области, то таким «организаторам» не следует быть на руководящих постах.

Филиппов В. Г., Шаповалов А. В.,
Топилин М. Н., Березников В. А.,
Топилин А. А., Олейников П. А.,
Байбаков И. П., Шаргнев А. А.

г. Камышин

Волгоградская область

ХОЧУ РАБОТАТЬ!

Пишет вам старший егерь Широковского приписного хозяйства Брандт Виктор Адольфович. Работают в охотхозяйстве с 1984 года. Когда поступал на эту работу, то были большие планы. Хотелось вывести хозяйство в передовые, но это оказалось совсем не просто. Еще слабо работают первичные коллективы, только начали налаживать работу СДНД и общественных егерей. Работы надо сделать еще много, чтобы хозяйство было в передовых.

И вот находится человек, который начинает писать жалобы о плохой работе и охране угодий. Приезжает комиссия, потом начинают вызывать в прокуратуру, и вот уже несколько месяцев мы, егери, не можем толком работать. Конечно что-то у нас не получается, возможно, есть и ошибки, но почему не подсказать и не помочь, так нет, начинают жаловаться. В этих жалобах много неправды, но этому человеку верят, а вот нам почему-то не доверяют. Я пишу во множественном лице потому, что егерем работает также и мой отец Адольф Андреевич Брандт, и он не знает, что я написал вам письмо.

Я не жалуюсь на трудности, мне даже интересно работать, но жалобы и вызовы в прокуратуру выбивают из колеи, а потом очень трудно работать.

Я люблю свою работу и заинтересован ею, но если бы вы знали, как надели кляузы!

В. БРАНДТ,
г. Кизел Пермской области

РАЗБОЙНИКИ НА КАЛАНЬЕМ ЛЕЖБИЩЕ

Ночью я проснулся от легкого шума в сенах избушки. Тихо звякнуло стекло банок, послышался слегка уловимый шелест бумаги. Сонливость не сразу выпустила мысли из плена, не хотелось думать, кто бы это мог быть, ведь на сорок километров вокруг ни души. Но вдруг обожгла мысль: «Медведь в избушке!» Пулей выпрыгивая из спальни, хватаю топор и кричу, грохочу посудой... Стихло. Только все так же беззаботно возятся мыши. Завидую их спокойствию.

Тишина поначалу кажется предательской, но потом я все больше доверяюсь ей, успокаиваю сам себя. На всякий случай пишу на бумаге: «2 часа 30 минут. В окно в тамбуре опять влез медведь. Я пошумел, и все стихло... 2 часа 40 мин — тихо... 2 часа 55 мин — тихо. Ложусь спать». Ложусь спать и, укладывая под подушку топор (мое единственное оружие), с опаской смотрю на окно, которое с таким же успехом может спасти меня от медвежьего натиска, как лист бумаги от пули.

Каким теплым и родным воспринимается октябрьское солнце на следующее утро. И даже пронизывающий ветер кажется ласковым. Осматриваю медвежью работу. Как и в прошлую ночь, рама выдернута «на себя». На косяке — несколько длинных волосков из медвежьей шубы. Из тамбура исчезли тушки птиц для музея, препараты органов павшего калана, пара висевших рыб. Медведь не испугался человеческого запаха... Сотни тысячелетий преследование со стороны человека вбивало в медвежьи гены команду бегать не раздумывая при виде двуногих и даже при появлении человеческого запаха. И вот этот механизм инстинкта не сработал. Какая же сила способна противостоять опыту веков? Голод?!

Всем известно, как медведи проводят зиму. И все знают, что зверю необходимо нагулять запасы «топлива» для спячки. На Камчатке медведи жируют на рыбе. Но вспомните многочисленные осенние статьи прошлого года. Рыбаки жаловались на слабый ход всегда обильной рыбы. Ну а та, что шла, — усиленно ловилась, чтобы удовлетворить потребности человека. Остальное доставалось животным и, конечно, медведям. На крупных нерестовых реках нашего заказника — Озерной и Кабальной — рыбы хватало всем. Но на средних и мелких вы не найдете ни одной снетки, если она еще там была. Все давно аккуратно подобрано и съедено медведями. Чем еще питаться? Ягода не уродилась. Кедрачам тоже особо нечем похвалиться. Мыши? Да, их много нынче. Но только сколько же энергии надо потратить, многокилограммовому медведю, чтобы набрать дневной рацион из десяти-двадцатиграммовых порций? Вот и получается, что эта осень, как мачеха, держит часть медведей в черном теле. Результаты?

Люди, бывавшие в тундре в сентябре — октябре, наверняка среди бела дня видели медведей или хотя бы свежайшие следы их пребывания. Вопреки своему обычаю косопалые вынуждены были добывать себе пищу в светлое время суток. Особенно молодые звери, которых ночами отгоняли от нерестилищ более крупные сородичи. Создалось впечатление, что численность зверей возросла, чаще стали их контакты с человеком.

Участились случаи каннибализма, то есть поедания медведей медведями. За осень в заказнике произошло четыре таких случая. Самым впечатляющим был первый, когда в долине реки Третьей, в пятидесяти километрах от Озерновского, было обнаружено место битвы двух медведей. В сплошном массиве шеломайника была вытоптана площадка диаметром около шести метров, земля на ней была перемешана с травой и шерстью. А в центре, в луже крови, в позе поверженного борца — на лопатках — лежал труп медведя средних размеров с разорванным горлом. Впечатляющая картина!

На полуострове Лопатка (у его берегов находятся места обитания каланов) отмечено небывалое количество медведей, которые ежедневно по несколько раз проходят по прибойке с «инспекторской» проверкой, убивают и съедают каланов. Восемь каланов было отстреляно. Двое последних, отстрелянных в октябре и ноябре, оказались молодыми зверями совершенно без запасов жира. Наверняка они были кандидатами в шатуны.

И самый печальный результат голодной осени — медведь-людоед. Погиб мальчик на окраине Озерновского. Это событие всколыхнуло весь поселок. Убийца оказался старым самцом. У него уже не было нескольких зубов, а оставшиеся наполюину сточены. Он был совершенно без запасов жира. Конечно, если бы ребята не оказались без взрослых за пределами поселка, этого бы не случилось. И будь год кормным, медведь бы в подобной ситуации убежал, не дожидаясь приближения человека.

За прошедшую осень у меня было несколько десятков встреч с разными медведями. Причем несколько раз нас разделяли

всего 10—15 метров. Чаще всего звери убежали, почуяв мой запах. Некоторые не обращали на него внимания. И только один медведь отважился забраться ко мне в избушку, и то не за мной, а за рыбой. Возможно, мне просто везло, потому что из первых уст я слышал о двух случаях агрессии медведей и свидетелем третьего был сам. На Лопатке два раза медведи гонялись за человеком, ехавшим на мотоцикле. Первый раз медведь пробежал полкилометра, второй раз — пять км, пока мотоциклист не подъехал к строениям маяка. Вид домов, наверное, отрезвил зверя. Конечно, он был отстрелян и оказался тощим пестуном.

И третий случай. Вчетвером мы продвигались по медвежьим джунглям вдоль реки Этамынк к Курильскому озеру. Мы буквально прорубались в ольхаках, скользили по волнам, пользовались медвежьими тропами, а сверху нас поливал обложной дождь. Я шел вторым, впереди — мой друг с ножовкой в одной руке и двухметровым веслом в другой. Часто попадались медвежьи «столовые» с останками нерки. Я постоянно ожидал встречи с медведем. Но такой... Неожиданно раздалось громкое рычание, не оставляющее сомнений в зловонных намерениях зверя. Закричал мой друг, и тут я увидел разъяренного медведя, выскочившего на него сбоку с ощеренной пастью и лишь на миг задержавшегося около него на расстоянии машинно вытанутого весла. Я пустил свои голосовые связки вразнос, крича что было силы. К счастью и удивлению, медведь крутнулся на месте и затрещал вверх по склону. В те минуты мы были слишком уставшими и промокшими, чтобы осознать всю опасность ситуации. Но позже до нас дошла серьезность случившегося. Зато появились ценные выводы.

Во-первых, медведь не испугался одного человека, но, услышав второго, все же убежал. Значит, нельзя ходить в одиночку по медвежьим местам и лучше всего иметь с собой собаку. Нужно стараться шуметь, петь песни при движении в зарослях, чтобы зверь был заранее предупрежден о приближении человека.

Во-вторых, если столкновение «нос к носу» все-таки произошло, ни в коем случае нельзя убегать. Удаляющаяся спина только провоцирует хищника. И побольше шума при встрече. Надо показать, что не боишься зверя. Ведь известно много случаев, когда медведь как бы проверяет нервы человека, пугает, делает короткие выпады в его сторону. Точно так же косопалые выясняют и отношения между собой, но у них дело редко доходит до стычки. И если выдержать проверку — зверь обычно отступает. Мне даже как-то пришлось отгонять медведя его же приемом. Когда не помогли ни крики, ни звон посуды, ни костер, я сделал короткий выпад в сторону зверя, громко крича и топчась ногами. И это помогло обратить его в бегство.

В середине ноября специалисты заказника совершили облет западного побережья от Озерновского на юг. Медведи были обнаружены только на самом юге полуострова Лопатка, где еще отсутствовал снег и была пища (выбросы моря, каланы). На всей остальной территории визуально не было отмечено ни самих медведей, ни их следов.

Но вот зимние новости: в декабре на Лопатке остались разбойничать на каланых лежбищах три шатуна; в соседних с заказником угодьях госпромпхоза по снегу отстреляно четыре медведя; на реке Камбальной встречен след косопала в середине января.

Наверняка много медведей рано встанут из берлог, поэтому, отправляясь зимой и весной в тундру, следует всегда помнить о возможности встретиться с голодным опасным зверем. Беспечность может кончиться трагедией.

И. РЕВЕНКО,
охотовед республиканского заказника «Южно-Камчатский»

ФОТОЛЮБИТЕЛИ, ВНИМАНИЕ!

Срок подачи работ на XVIII фотоконкурс «Охота с фотоаппаратом» продлен до 1 июня. К участию в фотоконкурсе приглашаются как любители, так и профессионалы независимо от того, состоят они в обществе охотников или нет.

Напоминаем разделы конкурса: «Птицы и звери в естественной среде», «Охотник — друг и защитник природы», «Промысловая и спортивная охота».

Черно-белые снимки (размер не менее 18×24 см, контрольки — 13×18 см) и слайды направляйте по адресу: 125212, Москва, Головинское шоссе, д. 1-а, к. 31, Росохотрыболовсоюз — с пометкой «На фотоконкурс».

МИНЯЕВ А. Наука и производство: необходима перестройка	1
ГАРАЩУК В. Против необоснованных ограничений	2
Журналу отвечают	2
УЛЬЯНОВА О. Отец рассказывал...	4
УЛЬЯНОВ Д. Из воспоминаний	5
МАЛОВ О. Тяга	6
ЖАРОВ О. Плашка — самолетов современный	8
ВАЙСФЕЛЬД М. Остерегайтесь медведя!	10
«Круглый стол» «Охоты и охотничьего хозяйства»	
Национальные парки: какими им быть?	
ЧИЖОВА В. Национальный или природный?	12
НЫММСАЛУ Ф. Опыт Лахемаского парка	13
ГАЙДАР А. Рябчик	14
Библиотека охотника	17
МЕДВЕДЕВА И. «Без знания кровей нет племенного дела»	18
ШЕЙНИН С., КОРНЕИЧЕВ И., КАМАЙКИН Н. Пыж для металлической гильзы	20
Бездымные пороха «Сокол» и «Барс»	21
Журналу отвечают	21
СТРИЖЕВ А. Родом из Лебедяни	22
ЗАМЯТИН Е. Глаза	22
ПЕТРОВ Борис. Старые вещи	24
ПАЖЕТНОВ В. Ворчун	26
ЯЗАН Ю., ЗИМАКОВ В. Охота в Никарагуа	28
На земных меридианах	29
Письма читателей	30
На привале	31
Следы зверей. Куница	32

Главный редактор: О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, С. В. Болденков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), В. А. Галактионов, В. Д. Голованов, В. И. Животченко, Д. В. Житенёв (зам. главного редактора), А. М. Колосов, Я. С. Русанов, В. Г. Сафонов, А. А. Севастьянов, И. Б. Шишкин, А. А. Улитин, С. М. Успенский, Ю. П. Язан

Художественно-технический редактор В. И. Просвирина
Корректор Н. В. Панкратова

Сдано в набор 12.02.88. Подписано к печати 09.03.88.
Т-06470. Формат 60×90¹/₈. Бумага для глуб. печ. Печать глубокая. Усл. печ. л. 4. Усл. кр.-отт. 10,0. Уч.-изд. л. 7,05.
Тираж 921420 экз. Заказ 189.
Цена 80 к.

Адрес редакции: 107807, ГСП, Москва, Б-53, Садовая-Спасская, 18. Тел. 207-24-05, 207-20-91

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром» Государственного Комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
142300, г. Чехов Московской области

СЛЕДЫ ЗВЕРЕЙ



Фото Д. В. и Ю. Г. ТЕРНОВСКИХ

КУНИЦА

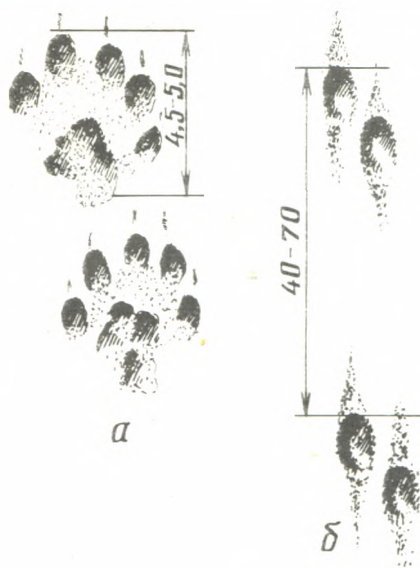
Для лесной куницы характерны пятипалые следы, очень крупные для такого сравнительно небольшого зверька. Это объясняется тем, что подошвы ее лап к зиме обрастают густым жестким волосом и их опорная поверхность намного увеличивается. Следы куницы на снегу имеют мягкие очертания, подушечки пальцев отпечатываются слабо, но кончики когтей все же хорошо заметны. Особенно четкими они бывают в оттепель на влажном снегу.

Обычно куница передвигается галопом, оставляя парные отпечатки, причем задние лапы она ставит точно в отпечатки передних. Зверек часто меняет шаг, вынося немного вперед то правую, то левую ногу. Длина прыжка на быстром ходу и при плотном снегу составляет 60—70 см, при подъеме или на медленном ходу — 40—50 см. При поиске и скрадывании добычи куница идет мелкими шагами, следы ее располагаются не по одной линии, а зигзагом, «в елочку». Гонимая за зайцем или спасаясь от врагов, куница бежит карьером и ее след несколько напоминает прыжки зайца-беляка. Тогда на снегу остаются отпечатки четырех, реже, трех лап, причем отпечатки задних находятся впереди передних.

Некоторое сходство следы куницы имеют и со следом соболя. В тех местах Северного Урала и Западной Сибири, где встречаются оба эти зверька, охотники различают их следы по следующим признакам: у соболя в отличие от куницы, отпечатки лап более вытянуты, а прыжки короче. Соболи при прыжках ставят лапы параллельно направлению хода, а куница несколько по-иному — пятками вместе, носками врозь.

В основном, куница кормится на земле. Лишь для того, чтобы устроиться на отдых, при погоне за белкой или при кормежке рябиной, она заскакивает на дерево и передвигается по ветвям. Если куница идет верхом, то оставляет своеобразные следы — посорку. Это комочки снега, кусочки мха, лишайников и коры, сухая хвоя и другой растительный мусор, который зверь роняет на снег, перепрыгивая с одного дерева на другое. Пользуясь этими признаками, опытный охотник «выправляет» след куницы до места, где она укрылась.

Характер следа куницы меняется в зависимости от типа угодий и объектов питания. В ельниках, где куница разыскивает на ночевках рябчика, а под завалами добывает мышевидных грызунов, путь ее извилист. Наслед тянется от одного завала к другому, зверек часто ходит шагом, залезая под бурелом. В борах, на окраинах моховых болот и лесосек, где хищница разыскивает тетерева, белую куропатку и глухаря, она передвигается галопом, оставляя более прямой наслед. Среди разреженных насаждений куница часто с ходу заскакивает по стволу дерева на 2—3 метра, а затем спрыгивает в снег. По-видимому, это помогает ей ориентироваться. Она издали замечает места кормежки боровой птицы, сбавляет ход и шагом обходит те места, где могут быть их лунки. Приблизившись к спящей птице на 3—4 метра, она, видимо, чутьем определяет место, где та под снегом затаилась, и бросается к жертве резкими короткими скачками.



Следы лесной куницы:
а — отпечатки передней
(вверху) и задней лап,
см; б — следы на рыхлом
снегу, см.



Куница летом.
Фото В. АЛЕШКИ

При троплении куницы можно наблюдать следы перетаскивания добычи. Крупную (глухаря, зайца) ей не утащить, а рябчика, которого она съедает только частично, хищница тащит в укромное место, куда-нибудь под пень, валежину или затаскивает на дерево и прячет в дупле, беличьей гайне, а иногда просто в ветвях. Потаск прослеживается и по следу, и по выпавшим перышкам.

Лучшим убежищем кунице служит дупло. В елово-широколиственных и смешанных лесах дупел много, но в ельниках их не хватает, и она часто поселяется в беличьих гайнах.

В дупле или гнезде куница живет не круглый год. Во второй половине зимы, когда снега заглубеют, а морозы усилятся, она днюет в наземных убежищах, устраиваясь в прикомлевых дуплах, под кучами хвороста, в пустотах под валежником, укрытым толстым слоем снега. Перед тем как залечь на дневку, куница, особенно старый зверь, старается скрыть свои следы: последние десятки метров она проходит верхом по ветвям даже в том случае, если вход в дупло расположен у основания дерева.

Куница нередко посещает снежные норы. Если такую нору раскопать, то под метровой толщей снега, где-нибудь у старого пня, обнаружатся остатки прежней трапезы хищницы: кости с сухожилиями, хвостовые и маховые перья тетерева, глухаря или белой куропатки. Здесь же бывает хорошо промятая камера с экскрементами зверька. И хотя птица была добыта и

съедена много раньше, может быть, до выпадения снега, куница периодически навещает место прежних удачных охот и, по-видимому, в этих норах отдыхает.

Экскременты куницы можно обнаружить и в бесснежный период на пнях, колодинах, стволах упавших деревьев, на старых муравейниках, на корнях у самого комля дерева, а иногда прямо на тропе. Фекалии зверька, длиной 8—10 см и толщиной 1—1,5 см, имеют колбасовидную форму и несколько спирально закручены. Концы их заострены и удлинены. Большой частью они состоят из мелких костей и шерсти грызунов.

Пол куницы легко определить зимой по мочевым точкам, которых на суточном ходу она оставляет не менее десятка. Если яркое мочевое пятно, резко выделяющееся на снегу, расположено между продолговатыми отпечатками задних лап, значит, здесь прошла самка, а если мочой обрызган какой-то предмет в стороне от отпечатков задних лап — самец.

По следам можно установить, что куница придерживается определенного индивидуального участка. Метит границы она выделениями прианальных желез, попадающих на фекалии, которые долго сохраняют сильный и устойчивый запах.

Н. РУКОВСКИЙ,
кандидат биологических наук

Рисунки автора



Следы неудачной охоты
куницы на тетерева: а —
поиск, б — скрадывание
добычи, в — бросок на
птицу, г — вылет птицы
из лунки.

На свежавыпавшем
глубоком снегу прыжки
куницы очень короткие,
парные следы располага-
ются близко друг от
друга.
Фото П. ЯРОВИЦКОГО

Путь куницы на дневку в
прикомлевое дупло.



